

Сергей Сергеев

Заговор

«АСТ»

2009

Сергеев С.

Заговор / С. Сергеев — «АСТ», 2009

Штирлицу и в страшном сне не могла присниться интрига международного масштаба, подобная той, в центре которой оказался двойной российско-немецкий агент Питер Штайнер. В руки Штайнеру попадает информация о теракте, способном затмить взрыв башен-близнецов в Нью-Йорке 11 сентября. Взрыв в Тегеране во время саммита глав каспийских государств, в результате которого погибнет множество людей. В том числе президент России... Штайнер начинает распутывать дьявольский клубок, ежесекундно рискуя жизнью.

© Сергеев С., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Сергеев

Заговор

*Я прожил жизнь, не начиная,
И падал, чтоб подняться вновь,
И снова падал, задыхаясь,
Хрипя от боли, в темень, в ночь.
Страшусь не боли, не измены,
Не жаркой сладости ночей,
Не настроений быстрой смены,
Ревнивых криков и речей.
Боюсь утратить нежность взора
И пальцев трепет в тишине.
Молю, не исчезай, родная,
Ты – часть меня, ты вся – во мне.*
Стихи автора

Глава 1

Три одиночества

*Май 2007 года,
Мюнхен – Лондон – Мюнхен*

«Ничего больше не будет, ничего!»

Валерия подошла к окну. В темноте угадывались очертания озера. Днем оно казалось таким ласковым. Сейчас в комнату тянуло сырым холодом.

Зябко передернув плечами, Валерия закрыла окно и опустила жалюзи. Сквозь белые пластинки проглядывал тусклый свет, отбрасываемый фонарями, стоящими вдоль берега.

Она сидела в кресле и разглядывала желтые блики на стене. Один из них был особенно резвым. Он обгонял своих бестолковых собратьев, прятался, а потом торжествующе выскакивал из засады и суетливо метался от потолка до пола.

Словно искал что-то. Но не находил.

«А что, собственно, произошло? Ну расстались. И правильно сделали. Мы же не подходим друг другу».

Ветер становился сильнее. Дрогнули стекла окна. Желтый зайчик-торопыга отплясывал в самом центре стены.

«Нет, это я ему не подхожу. Лучше быть одной. Спокойнее. Но почему же так тоскливо?»

Валерия очень обрадовалась, когда ее подруга Хелен, с которой они вместе учились на факультете журналистики Берлинского университета, предложила ей пожить в доме своих родителей в маленьком курортном городке недалеко от Мюнхена:

– Дом пустой, родители работают во Франкфурте, приезжают только летом. Очень красивое озеро. Рядом горы. Отлично отдохнешь!

Объехав по автобану Мюнхен, Валерия без труда нашла тихий курортный городок на самом берегу озера. Ее встретила женщина, которая поддерживала порядок в доме. Кажется, ее звали Мартой. Она показала Валерии гостевую комнату, ванную со свежими полотенцами и даже приготовила к приезду запеченную в духовке индейку, обильно сдобренную паприкой.

И Валерия осталась одна.

Только тогда она почувствовала, как устала, и провалилась в тяжелый сон. Зря, конечно. Лучше было бы прогуляться вдоль озера. Может, тогда удалось бы избежать бессонницы и этой мучительной ночи.

«Нет, от этого никуда не денешься. Он думает только о себе. Почему мне так не везет? Разве я хуже других? Не хуже. Говорят, что даже красива. И умна.

А разве ум гарантирует счастье? Ничего он не гарантирует. Как же тяжело! Никогда так не было. За что все это?»

Ветер, кажется, стих. Над озером выползла круглая луна.

Разбухшая и перезрелая, как апельсин.

Он очень любил шуточные оперы Доницетти и каждый раз, когда приезжал в Мюнхен, обязательно старался попасть в оперный театр. Здесь работали в прошлом Моцарт, Штраус, Вагнер.

Небольшой и уютный, этот театр прекрасно подходил не только для немецкой, но и для лукавой, радостной итальянской музыки, которая надолго создавала праздничное настроение.

Хотелось подпевать про себя и даже гримасничать. Как в детстве. В этот раз все было не так. Доницетти существовал сам по себе, в параллельном мире, не затрагивая его мысли и не успокаивая раздерганные нервы.

Питеру Штайнеру нравилась его работа в одном из крупнейших германских журналов. Он уже давно не обольщался по поводу журналистской романтики и знал, что лучшие экспромты рождаются благодаря длительной и напряженной подготовке. Озарения, конечно, случались, но для этого требовалось досконально изучить материал. Мозги, не замутненные информацией, способны только на дешевые восторги, до которых читателям нет никакого дела. Они хотят узнать нечто новое, полезное, а заодно сопоставить его впечатления со своей жизнью. Не важно, где эти впечатления получены – в охваченной гражданской войной африканской стране или в никогда не спящем Нью-Йорке. Главное – чтобы они были логичными, аргументированными и, между прочим, укладывались в привычную схему мышления. Или, наоборот, взрывали все представления и стереотипы.

Выбор за вами, господин Штайнер!

Но для выбора необходимо желание. А его нет, как будто никогда и не было. Улетучилось, пропало, испарилось.

«Сели батареи, и сейчас подлодка всплывет на поверхность. А потом перевернется брюхом кверху, как дохлая рыба».

Что в прошлом? Два неудачных брака. Дочь, которая осталась с первой женой. Она становится все больше похожей на мать и ненавидит своего непутевого папашу.

Баланс не очень!

Но самое печальное было в другом. Какое-то время Питер был уверен, что не создан для семейной жизни. Он ценил одиночество, а бурная работа и постоянные командировки давали достаточно ярких впечатлений. Даже с избытком.

Всякий раз после возвращения он чувствовал, что его ждали для того, чтобы вывалить накопившиеся претензии и обиды. Естественно, его вновь тянуло уехать подальше. И слава богу, это желание всегда совпадало с возможностями.

Какое облегчение он почувствовал, когда остался наконец один! Никаких упреков. Никому и ничего не должен. Работай в свое удовольствие, живи полной жизнью.

Но он недооценил коварство своей натуры. Человеку всегда мало. Или слишком много. Нельзя раз и на всю оставшуюся жизнь определить: а что тебе нужно? Меняются обстоятельства, а вместе с ними и желания.

Питер без сожаления дослушал оперу до конца и вышел на улицу. Ему было приятнее просто пройти по ночному Мюнхену, похожему сейчас на южный город, заросший буйной

зеленью с ее одуряющими ароматами, шелестом листвы и пением цикад. Не зря Мюнхен называют самой большой деревней Германии.

Он запутался, заблудился, потерялся. Мысли не складывались, как обычно, в логичную схему. К работе претензий нет. Все в порядке. Но настроение! Жуть какая-то.

Может, поехать отдохнуть? Скучно. Лучше в командировку. Но для работы тоже нужен душевный подъем, а где его взять?

Мимо прошелестели велосипеды. На другой стороне улицы раздавались и выкрики подвыпившей молодежи и возбужденный смех.

Питер свернул в темный переулок, который выходил к гостинице.

Так будет короче.

Ей казалось, что она не увидит больше этих кошмаров. И на какое-то время они действительно отпустили ее измученную память.

Сейчас воспоминания опять терзали сознание. Она чувствовала себя продолжением своего отца – в мыслях, ощущениях, радости и физической боли. Было очень больно. Петля стягивала шею, лицо побагровело. Ноги беспомощно дергались в воздухе. Тело поджалось, напряглось, а потом беспомощно повисло, слабо вращаясь вокруг своей оси.

Снова этот кошмар.

Беназир Бхутто встала с постели и прошла в гостиную своего лондонского дома. Она не хотела принимать снотворное. Завтра опять будет раскалываться голова. Но ничего не поделаешь. С этим нельзя жить.

Мучительные видения возобновились, как только стало ясно, что она может вернуться на родину, в Пакистан, где двадцать восемь лет тому назад генералы устроили заговор, свергли, а затем казнили ее отца.

И где она дважды была премьер-министром. И каждый раз новый заговор и вынужденная отставка. Годы ареста, изгнания. Не много ли для одной женщины?

Она замужем и, кажется, любима. Но это ничего не меняет. Демоны прошлого терзают ничуть не меньше. Одиночество многообразно, как и несчастья, которые его рождают.

Сейчас пришло время рассчитаться. Пока отец не будет отомщен, она не сможет спать, дышать, любить.

Одиночество необходимо, когда хочешь избавиться от воспоминаний. Оно лечит. Но когда возвращаются муки прошлого, лечение становится бесполезным. Тогда нужно пойти навстречу прошлому. Зачем? Чтобы отомстить? Разумеется. Неотомщенные мученики никогда не успокоятся. Но, она хочет вернуться не только ради мести. Ее любят, ей поклоняются, ее боготворят. На Востоке совсем другой темперамент, чем в холодном, чопорном Лондоне или торгашеской Америке.

Это невозможно сравнить с любовью и самой пылкой страстью. Живая богиня – что может сильнее будоражить кровь! В ее жилах течет кровь князей, которые владели провинцией Синд. Отец – пакистанец, а мать – персиянка. Взрывоопасное колдовское смешение. Да, она будет божеством для своих подданных. И только тогда ее кошмары растворятся в потоке любви и преданности.

Другого пути для нее нет. Она знает это.

Беназир улыбнулась. Ее пышные волосы растрепались и упали на глаза. Как в юности.

Она больше не может быть одинокой.

Ночью на Мюнхен обрушился проливной дождь. А утром уже было сухо.

Все изменилось. Из темного, зловещего пятна озеро превратилось в пасторальную картинку, обрамленную оконным переплетом.

Валерия поспешила открыть окно и вдохнула прохладный, ароматный воздух. Ей хотелось поглощать этот воздух ложками, чувствуя, как он торопит кровь по всему телу.

В холодильнике обнаружилось любимое вишневое варенье, свежее сливочное масло, швейцарский сыр.

Валерия приняла горячий душ, потом облилась ледяной водой, причесала еще влажные волосы и с наслаждением выпила большую чашку горячего кофе. Поджарила в тостере ломтики хлеба, намазала на хрустящую корочку масло, а сверху тонкий слой варенья. «Трудно представить себе что-либо вкуснее».

На журнальном столике в гостиной она нашла свежие газеты и рекламные проспекты. Они лежали аккуратной стопкой. Видимо, Марта регулярно доставала из почтового ящика всю корреспонденцию.

«А этот крошечный городок – не такая уж провинция», – подумала Валерия, быстро просматривая прессу и яркие листочки объявлений.

На одном из фото она увидела необычный деревянный дом, построенный в виде круглой башни. Оказалось, что это выставочный зал, где разместилась экспозиция известного фотохудожника.

Другое объявление приглашало на ежегодную выставку-продажу баварских сувениров, изготовленных местными умельцами. Выставка устраивалась прямо на берегу озера.

«Когда это? В воскресенье. Отлично. Как раз сегодня. Посмотрю все, а заодно погуляю».

Валерия удивилась – оказывается, уже десять часов. Обычно она вставала пораньше. Чемодан можно разобрать после прогулки. Вчера не было ни сил, ни желания.

Валерия быстро вытащила из чемодана первые попавшиеся вещи. Выбор оказался удачным. Именно так она и хотела одеться. Голубые джинсы из мягкого материала, майка-блuzка с рисунком известного итальянского дизайнера, кокетливые белые ботиночки – в них можно пройти любые расстояния.

Удобно и стильно.

Перед выходом она еще раз посмотрела в зеркало. Высокая и стройная. Белокурые волосы. Немножко полноваты бедра, но ничего не поделаешь – наследственность. Крупные черты лица. Свежая кожа и блестящие, любопытные глаза. Неплохо. Не скажешь, что у нее была беспокойная ночь.

Сзади хлопнула дверь металлической ограды. Валерия улыбнулась. Она знала, что сегодня будет удачный день.

Предчувствие ее никогда не обманывало.

Может, только в редких случаях.

Глава 2

«Список Гелена»

Май 1947 года,

Советская военная администрация в Германии,

Берлин, Карлхорст

- Как вы могли согласиться? Вам же твердили, что Америка – враг Германии!
- Россия тоже была нашим врагом.
- Но все же есть разница. Между Россией и Германией был заключен пакт о ненападении. Его нарушил Гитлер, и Германия поплатилась. Вы что, забыли об этом?
- Не будем вспоминать Гитлера. Его уже нет.
- Однако Германия существует. Каким вы видите будущее страны? Американской колонией? Молчите. Сказать нечего? Вас заставили работать на американцев?
- Меня невозможно заставить. Они требовали, не давали есть, но я отказывался.
- Где вас держали до вербовки?
- В Баварии. Лагерь в Мосбурге. Он устроен специально для офицеров СС.
- Сколько заключенных в лагере?
- Около трех тысяч.
- Кто вел допросы?
- Американцы. Говорили, что прибыли из Вашингтона, чтобы провести фильтрацию.
- Почему вы согласились работать на американскую разведку?
- Я очень устал и отказывался отвечать на их вопросы. Потом меня провели в комнату и оставили одного. Я задремал. Вдруг открылась дверь, и вошел человек в штатском. Очень высокий.
- Со шрамами?
- Откуда вы знаете?
- Вы его узнали?
- Почти сразу. Это был Отто! Да, мой командир Отто Скорцени! Я узнал его!
- Не кричите. Говорите спокойнее.
- Это был Отто!
- Понятно, что Отто. Слышали. Он говорил с вами?
- Да, он сказал, что Германия проиграла войну, но история не заканчивается. Нам нужно помогать американцам, чтобы остановить орды большевиков. Иначе они захватят всю Германию и вырежут всех немцев.
- И вы согласились?
- Да, я дал подписку, и меня направили в тренировочный лагерь.
- А потом перебросили во главе группы диверсантов в советскую оккупационную зону. Вас захватили почти сразу же. Не ожидали?
- Я был готов к смерти, но не думал, что все произойдет так быстро.
- Сейчас сожалеете, что согласились?
- Это был Отто. Он сказал...
- В затемненном помещении раздались глухие рыдания, переходящие в бред.
- Уведите, – распорядился капитан госбезопасности Круглов.
- Его непосредственный начальник майор госбезопасности Старостин покачал головой:
- Нам он вряд ли подойдет. Истеричен. Психика расстроена. Сомневаюсь, что у него опыт работы с агентурой. Диверсант. Не более того. Но какой-то информацией владеет. Пора-

ботайте с ним. Выясните, что он знает о лагере в Мосбурге. С кем сидел? Кто из его знакомых согласился работать на американцев? Кого видел в тренировочном лагере, кто его конкретно готовил к заброске в нашу зону? Планы диверсий, условия связи, контакты.

Круглов старательно записывал, хотя он и так знал, что именно следует «вытрясти».

Рабочий день продолжался уже четырнадцать часов. Допрашивали группу диверсантов, захваченных контрразведкой на территории советской оккупационной зоны Германии.

Количество агентов, забрасываемых из американской и британской оккупационных зон, возросло в несколько раз. Среди них преобладали немцы, прибалты, украинские националисты, власовцы. Иногда попадались и серьезные нацисты, которыми не брезговала американская разведка.

Перед отделом Старостина была поставлена особенно сложная задача – подобрать кандидатов для перевербовки и обратной заброски в западные оккупационные зоны Германии.

В первую очередь интересовала американская разведка, которая обладала неограниченными финансовыми возможностями и буквально на глазах наращивала обороты. По агентурным данным, только за последние месяцы американцы при помощи нацистских «экспертов» начали сразу несколько крупных операций против «советского блока».

Весомых результатов у подразделения Старостина пока не было. Но его это не смущало.

Он понимал, что лучше приобрести одного серьезного «крота», чем десятки слабых и тем более сомнительных агентов, которые «сгорят» сразу же после возвращения или – что намного хуже – опять переметнутся на другую сторону.

Спокойная рассудительность Старостина вызывала раздражение высокого начальства, которое отчитывалось «по валу».

Что реально даст приобретенный агент в будущем – гарантировать никто не может. Много будет зависеть даже не от его искусства и изворотливости, а от стечения обстоятельств и удачи.

В случае успеха ордена достанутся офицерам, которые будут руководить «кротом» именно в это «звездное» время, а о тех, кто его нашел, разгадал, превратил человеческие обломки в грозное оружие, вряд ли вспомнят.

Это понимали все, но относились к укоренившейся несправедливости по-разному. Старостин предпочитал делать дело, даже ценой собственной карьеры. К счастью, в Москве хорошо осознавали человеческую и профессиональную ценность Старостина и терпели его несговорчивость.

Круглов потянул затекшую спину и неожиданно улыбнулся:

– Товарищ майор, по крайней мере один серьезный экземпляр у нас имеется. Только начали с ним работать – и такие результаты! Матерый, много знает, на вопросы отвечает охотно.

– Его так учили. На случай провала. А если подстава?

– Нельзя исключать, но нутром чую: тут что-то другое. На подставу он не похож. Вы же читали дело. Как впечатление?

Старостин внимательно посмотрел на своего обычно спокойного подчиненного. Тот не был склонен к философии и поспешным умозаключениям.

«Опытный оперативник. Не помню, чтобы так радовался. Дело интересное, спору нет, но еще проверять и проверять».

Радостный Круглов не догадывался, что его энтузиазм мучителен для Старостина – желание перейти к столь любимому им процессу вербовки Старостин сдерживал, нагнетая сомнения и в сотый раз вспоминая скупую информацию оперативного дела.

Однако внутренний голос коварно нашептывал: «Пора, пора!» Решение вот-вот созреет, и тогда будет трудно отступить от поставленной цели. Все мысли и желания будут направлены только на одно – понять, убедить, подчинить своей воле.

Времени на сомнения уже не останется. Но этот момент перехода в новое измерение должен наступить сам, а тут Круглов со своими восторгами.

Только мешает!

– Хотел бы, чтобы вы поприсутствовали на допросе и приняли решение, – добавил неутомимый Круглов.

«Вот настырный!»

– Не возражаю, – глухо ответил Старостин.

Введенный в следственную камеру немец прищурился от резкого света направленной на него лампы. Старостин поднялся и отвел свет лампы в угол.

Немец благодарно кивнул.

«Внешность обычная. Пиджачок затертый, брюки мятые – спал в одежде, и не один день. Щетина. Глаза голубые. Очень усталые, умные и внимательные. Высокий. Лицо круглое. Волосы зачесывает назад. Слева от глаза до уха шрам. В деле указано, что на груди – следы ожога. Последствия ранения, полученного в Польше. Осунулся, но в хорошей физической форме. От такого можно ожидать любого сюрприза – как сжатая пружина. Спокойный, но не безразличный. Опасный противник или?.. Пока не скажешь. Поговорим – посмотрим». Старостин кивнул, давая понять, что Круглов может приступить к допросу.

Капитан достал из пачки документов тоненькое дело оперативной разработки, откашлялся и монотонным голосом стал задавать вопросы:

– Кто готовил к разведывательной работе? Ваш непосредственный руководитель?

– Я был сотрудником «Организации Гелена», подчиненной американскому генералу Эдвину Зиберту. В настоящее время Зиберт возглавляет разведку и контрразведку в администрации верховного комиссара американской оккупационной зоны генерала Клея.

– «Организация Гелена» – новая спецслужба?

– Совершенно верно. Ядро будущей разведки Германии. Кадровый состав – немецкие офицеры.

– Вы же сказали, что «Организация» подчиняется Зиберту.

– Американцы финансируют «Организацию Гелена», ставят ей стратегические задачи и утверждают планы, но в текущую оперативную работу не вмешиваются.

– Это ваши наблюдения?

– Не только. Мне достоверно известно, что Гелен подписал в Вашингтоне соглашение, которое дает ему большую свободу действий. «Организация Гелена» имеет статус автономной структуры и не может рассматриваться как одно из подразделений американской разведки. Связь с американским руководством поддерживается через офицеров связи. Как только будет создано новое германское правительство, «Организацию» передадут в его распоряжение, но она сохранит сотрудничество с американцами. Вашингтон согласился никогда не требовать от «Организации» разведывательной работы против Германии.

– От кого вы это знаете?

– Об этих условиях мне рассказывал сам Гелен. Кроме того, я читал внутренние инструкции, составленные на базе вашингтонского соглашения.

– Гелен работал в абвере у Канариса?

– Гелен никогда не был сотрудником абвера. Он был офицером генштаба и возглавлял отдел «Иностранные армии – Восток». Поэтому он не подлежит преследованиям, как бывшие офицеры СС и абвера.

– Вы показали, что служили в шестом управлении Главного имперского управления безопасности. Значит, вы работали в разведке у Шелленберга. Нестыковка получается. Откуда вы знаете Гелена? Он же из генштаба. Почему Гелен взял вас в свою «Организацию»? Ему запрещено использовать бывших офицеров СС.

– Вы правы. Гелен обещал американцам, что не будет привлекать бывших сотрудников СС. В настоящее время в его штаб-квартире работает примерно пятьдесят штабных офицеров вермахта. Опытные аналитики. Они хорошо осведомлены о Красной армии и военном потенциале СССР. Но эти офицеры не имеют опыта агентурной работы. Они никогда не видели живого агента, не выполняли заданий в тылу противника, вообще не представляют, как к этому подойти. Гелен амбициозен. Он не намерен ограничиваться аналитикой, а хочет создать полноценную разведывательную службу. Разведка без агентуры мертва – это Гелену объяснять не надо. Ему жизненно необходимы опытные агенты, в том числе бывшие офицеры СС. Он ищет таких офицеров и берет их на службу.

– Каким образом Гелен привлекает офицеров СС к работе?

– В спецлагерях содержится несколько тысяч бывших офицеров абвера, гестапо, разведки Шелленберга. Их допрашивают и сортируют – многие попадают под категорию военных преступников и отправляются после проверки в лагеря или за решетку. Правда, их быстро выпускают. Гелен рассказывал мне, что представил американцам список из сорока – пятидесяти фамилий офицеров, которых следует передать в его распоряжение. Но американцы отказались удовлетворить эту просьбу. Поэтому Гелен сам подыскивает нужные ему кадры и оформляет офицеров абвера и СС по подложным документам. Если его схватят за руку, он всегда сможет сказать, что ничего не знал об их прошлом.

– Сомнительно, чтобы Гелену самостоятельно удавалось подбирать офицеров СС. Вы же сказали, что они содержатся в спецлагерях.

– Во-первых, в спецлагерях оказались далеко не все офицеры СС. Некоторые уехали за границу, другие сменили личные документы и живут под «легендой». У Гелена имеется архив на разведчиков и старую агентуру.

– В том числе агентуру СС и абвера?

– Вот именно.

– Как этот архив попал в его руки?

– Это мне неизвестно. В любом случае архив – сильный козырь в торговле с американцами. Гелен не передаст им архив ни при каких обстоятельствах. Эти данные бесценны. Он будет использовать их исключительно в своих интересах, в том числе для поиска нужных людей.

– Все это звучит не очень убедительно. Неужели американцы настолько слепы, что не видят манипуляций Гелена?

– Можно предположить, что генерал Зиберт и другие американцы косвенно помогают Гелену в поисках офицеров, указанных в его списке. Если им становится известно о допущенных Геленом нарушениях, они закрывают глаза. Покрывают его.

– Это серьезное обвинение. Вы можете представить доказательства?

– Я могу гарантировать, что в числе ближайших сотрудников Гелена работает несколько высокопоставленных офицеров СС. В частности, мне достоверно известно, что в руководство «Организации» входит штандартенфюрер Вилли Кирхбаум. Он в свое время отвечал за связь Главного имперского управления безопасности с абвером.

– Кого еще из офицеров СС в «Организации Гелена» вы знаете?

– Очень активен оберштурмфюрер Ганс Зоммер. Ранее он служил в отделении гестапо в Париже. В штаб-квартире «Организации» мне встречался также штурмбаннфюрер Герберт Штейнборн. Его предыдущее место службы мне неизвестно. У Гелена он занимается инструктажем агентов перед заброской в советскую оккупационную зону.

– В британской и французской оккупационных зонах также используют офицеров СС?

– Британцы подходят к этому контингенту более строго, чем американцы. От услуг офицеров СС они отказываются. По крайней мере до завершения их проверки. Даже создали комиссию по расследованию преступной деятельности. А вот офицеров абвера достаточно. Не

меньше, чем у Гелена. Французы ведут себя иначе. Они много говорят о борьбе с нацистами, но охотно берут на службу бывших эсэсовцев. В австрийском городе Брегенц устроили секретный лагерь для офицеров абвера и СД. Вербовкой агентуры у них ведаёт штурмбаннфюрер СС Отто Хеттль. Я его хорошо знаю. У Шелленберга он возглавлял отдел Юго-Восточной Европы.

– Допустим. Однако складывается впечатление, что вы предпочитаете рассказывать о других. А как вы сами оказались в «Организации Гелена»?

– Пришел и оказался.

«Слишком парадоксально, чтобы быть ложью», – подумал Старостин.

– Как это пришли? И вас не задержали?

– Сначала я попал в плен к американцам и представился унтер-офицером вермахта Вильгельмом Келлером. Скромный парень. Ни в чем не замешан. Показал заготовленные документы. Меня допросили и отпустили.

– И никто вас не узнал?

– А некому узнавать. В прошлом я работал в основном за границей. Риск нарваться на знакомых был минимальным. С Геленом я встречался по рабочим делам в самом конце войны. Поэтому он охотно оформил меня в свою «Организацию». Под фамилией Келлер я был включен в «список Гелена», согласованный с американцами, и официально стал сотрудником разведслужбы. С этими же документами я был заброшен на территорию, занятую вашими войсками.

– Цель задания?

– Я уже говорил об этом. Сейчас Гелен налаживает «ближнюю инфильтрацию» агентов в восточную оккупационную зону. Для «глубокой инфильтрации» – засылки агентуры в Советский Союз – пока не хватает «рабочего материала» и средств, но такая цель стоит. Мне было поставлено задание по созданию агентурной сети в Саксонии. В целом эта задача была выполнена.

– Повторите ваши показания по этому вопросу.

«Келлер» бросил короткий взгляд в сторону Старостина. Как только тот переступил порог кабинета, он сразу понял, что допрос носит показательный характер и устроен специально для этого седоватого офицера, от которого зависит его судьба. Требование повторить показания окончательно убедило в этом «Келлера».

– В Дрездене, столице Саксонии, создано несколько подпольных групп. Они располагают «замороженными» на особый период радиостанциями и группами боевиков из бывших участников «Вервольфа». После моего отъезда резидентуру в Дрездене должен возглавить подполковник Герхард Пинкерт. В прошлом он офицер абвера, специалист по диверсиям. Отличился во время гражданской войны в Испании – готовил подрывников для Франко. В 1943 году действовал в тылу советских войск на Восточном фронте.

– Я читал ваши показания, – впервые вмешался в допрос Старостин. – Вижу, что вы профессионал. Понимаете, что мы проверим каждое ваше слово? Если солгали, это выявится и будете отвечать.

– Я говорю правду.

– Тогда возникает вопрос: зачем вы это делаете?

– Вы сказали, что я – профессионал. Как офицер, обладающий определенным опытом, я понимаю, что мой провал не случайность. Убежден, что вы имеете источник информации, который сдал вам дрезденскую резидентуру. И меня сдал. Возможна утечка информации непосредственно из «Организации Гелена». Зачем пытаться ввести вас в заблуждение? Не имеет смысла. Используя свои агентурные возможности, вы со стопроцентной точностью установите, можно мне доверять или нет. Поэтому мне остается выбрать только один из двух возможных вариантов – отказаться давать показания или говорить правду.

– Логично. Хорошо, что вы понимаете. Но в чем ваш интерес? Вы сообщаете много ценных сведений. Могли бы отвечать нам информацию по чайной ложке, а выкладываете все, что знаете. По крайней мере складывается такое впечатление. В чем ваши мотивы? На что рассчитываете?

– Я хочу на вас работать. Мое подлинное имя Франц Штайнер.

– А вот об этом подробнее, – сказал Старостин.

Пружины поскрипывали под тяжелым телом. Спать не хотелось. Голая лампочка в металлической сетке бросала серый безжизненный свет.

Франц Штайнер чувствовал себя как рыба, забытая в пустом аквариуме.

Его разместили в импровизированной камере с относительным комфортом. Железная солдатская койка, по-видимому, была принесена из казарм пехотного училища.

«Даже не опасаются, что я могу совершить попытку самоубийства. А чего им бояться? Я и так мертв. Источников информации у них достаточно. Иначе не провалился бы в первый же день. Собирают агентуру, как грибы после дождя».

Он привык к одиночеству и никогда не страдал от недостатка общения. Но это было одиночество другого рода. Безысходное, пустотелое и глухое. Оно звенело в ушах и разливалось в груди противную горечь. Или это опять болит шрам от ожога, полученного во время польской кампании? А может, организм выбрасывает накопившуюся желчь. Обид и несчастий оказалось слишком много для одного человека.

Жена и сын Штайнера стремились укрыться от бомбежек в Берлине и переехали к ее матери в Дрезден. Кто же знал, что город будет стерт чудовищной бомбежкой, устроенной англосаксами? А ведь он предлагал переехать в Баварию к его родственникам.

Только сейчас он понял, что это значит – остаться одному. Дело даже не в том, что он потерял самых близких людей. Рядом с ним уже никогда не будет никого.

Кто его полюбит? Искренне, а не ради того, чтобы спрятаться от собственного одиночества. И кому он сможет доверять после всего случившегося?

Невозможно полюбить живой труп. Он сам себе противен, и с этим ничего не поделаешь.

Штайнер даже не мог себе представить, что он будет работать на людей, которые устроили всю эту бойню.

Гелен – карьерист. Ему все равно, чем заниматься. Приказали бы, и он миллионами сжигал бы евреев в печах. Без всяких сантиментов и угрызений совести. Что он, добрее и праведнее гестаповцев? Просто карьера сложилась иначе.

Американцы не лучше. Они специально бомбили города, чтобы запугать немцев, но не трогали промышленные предприятия, производящие оружие. Зачем разрушать собственность? Еще пригодится.

Решение работать на русских было для Штайнера жестом отчаяния. Он с уважением относился к бывшим противникам и надеялся, что они накажут и тупых наци, и самодовольных янки.

Если не хочешь больше жить, значит, нужно поменять свою жизнь. Хуже не будет. Но поверят ли русские?

Нет постоянных друзей и постоянных противников – есть только постоянные интересы. Так, кажется, говорят практичные британцы. Русские не будут бросаться таким опытным профессионалом, как он.

Или все произойдет не так, как он рассчитывает?

Выведут во двор и расстреляют. Во время войны на Восточном фронте не брали в плен эсэсовцев. А сейчас?

Но ведь он никого не мучил и не убивал. Он не гестаповец. Он – разведчик. Какая разница между абвером и разведкой Шелленберга? Или между разведками Германии и Советов? С

точки зрения методов работы – никакой. Но они – победители и имеют право мстить. Это можно понять, но от этого не легче.

«Посмотрим. Поскорее бы начался новый день. Здесь даже не видно, наступил ли рассвет».

Штайнер лежал, закинув руки за голову, и всматривался в потолок. Штукатурка потрескалась и местами обсыпалась.

Он очень хотел вновь встретиться с русскими и попытаться передать им свою боль. Особенно тому седоватому – у него умные и понимающие глаза. Наверняка он тоже разведчик.

Время текло очень медленно, но Штайнер ждал.

Терпеливо ждал.

– Когда и где вы родились?

– В 1908 году в Баварии. Город Мюнхен.

– Кто ваши родители?

– Отец был военным, а потом управляющим в крупном поместье. Мать занималась детьми и домашним хозяйством.

– Братья и сестры?

– Младший брат – коммерсант. В армию не призывался по причине слабого зрения. Средний брат – офицер танковых войск. Последнее место службы – Западный фронт, Нормандия. Его судьба мне неизвестна.

– Образование?

– Баварский университет. Юрист. В дальнейшем по служебной необходимости изучал также восточные языки – русский, фарси.

– Где занимались разведывательной деятельностью? Основные задачи, результаты?

– В 1939 году после польской кампании я был направлен на разведработу в Москву. В сентябре 1940 года меня вызвали в Берлин для личного доклада. В представленной информации я сделал вывод о том, что стратегические резервы Советского Союза делают его полное поражение в войне с Германией практически недостижимым. При этом я не отрицал, что реорганизация Красной армии потребует два-три года, современного вооружения недостаточно, войска подготовлены плохо. Таким образом, возможен серьезный успех на начальном этапе, но в дальнейшем людские и экономические ресурсы СССР могут склонить чашу весов в его пользу.

– За эту информацию вас наградили Железным крестом?

– Нет, меня отметили иначе – пинком под зад. Доклад не понравился. Шелленберг откровенно сказал мне, что, по оценке вышестоящего руководства, я не разобрался в обстановке и попал под влияние коммунистической пропаганды. Мои источники информации были консервированы как подозреваемые в связях с советской контрразведкой. В этот момент у меня впервые закралась мысль о том, что «тысячелетний рейх» просуществует недолго.

– Такой глобальный вывод вы сделали потому, что ваша информация получила негативную оценку? Вы эмоциональный человек?

– Дело не в моем характере. Когда понимаешь, что государством руководят люди, которые из собственного тщеславия закрывают глаза на объективные данные, а их окружает толпа подхалимов и откровенных кретинов, понимаешь, что эта власть обречена и развязка может наступить довольно скоро.

– Вы были отстранены от работы?

– Не отстранен, а удален от Берлина на приличное расстояние. В ноябре 1940 года меня направили в Иран как представителя фирмы «Мерседес-Бенц». К этому времени уже было принято решение о нападении Германии на Советский Союз. Предполагалось, что германские

войска через Кавказ войдут в Иран, а затем в Афганистан. Таким образом, будет создан плацдарм для завоевания Британской Индии.

– Ваша задача состояла в сборе информации?

– Не только. В постановке задач чувствовались непоследовательность и импульсивность. Задачи постоянно менялись. После падения Польши, а затем Франции у фюрера закружилась голова. Казалось, что все доступно и легко. Указания сыпались как из рога изобилия, противоречивые и даже вредные. Сначала требовали наладить сотрудничество с монархом Ирана Реза-шахом. Он был не прочь содействовать продвижению германских войск в Иран. Реза-шах был уверен в победе Германии. Потом фюрер решил, что Реза-шах нас уже не устраивает и нужно сменить его на абсолютно послушную марионетку. Правитель Ирана узнал о заговоре и превратился из союзника в противника.

– Реза-шах отрекся от престола после ввода в Иран советских и британских войск. Вы пытались наладить контакты с новым монархом?

– Нет, молодой монарх Мохаммед Реза Пехлеви уклонялся от контактов с нашими посредниками. И боялся нас. Видимо, невыгодное впечатление произвело, что с Реза-шахом мы обошлись довольно сурово – его сослали на остров Маврикий, хотя он просился в Индию или Аргентину. Для нового шаха это был устрашающий пример.

– Получается, что в Иране вас преследовали неудачи.

– Я этого не сказал. Провалов избежать не удалось, но были и успехи.

– Что вы считаете самым большим достижением германской разведки в Иране?

– Создание мощной агентурной сети в военных и политических кругах Ирана, а также среди племенных вождей. Особенно мне дорога операция «Миллион туманов». В меджлисе, иранском парламенте, мы сформировали прогерманский блок депутатов, которые голосовали против любых решений в пользу СССР и Великобритании. Я вложил в эту операцию много сил.

– Интересный опыт. Как вам это удавалось? Какие приемы вы использовали?

– Многие иранцы были заинтересованы в торговле с Германией. Они ненавидели англичан и воспринимали Германию как естественного союзника в борьбе против Британской колониальной империи. Эти настроения создавали огромный вербовочный контингент. Кроме того, мы неплохо приспособили к иранскому менталитету нашу идеологию. Иранцы были официально объявлены арийской нацией. Японцы, кстати, тоже. Истинно арийской религией мы называли шиитский ислам в противовес арабскому и семитскому исламу суннитов. Распространяли слухи, что Гитлер – тайный «двенадцатый имам». В других случаях говорили, что Гитлер принял ислам и его новое имя – Гейдар. Придумали легенду о том, что Гитлер родился с зеленой каймой вокруг пояса, как мусульманский святой.

– Гитлеру эта идея вряд ли понравилась бы?

– Но его не спросили. По крайней мере Шелленберг ему об этом не докладывал.

– А что в результате?

– Конечный результат оказался плачевным из-за событий на фронте. Мы планировали поднять восстание 27 июля 1942 года на территории всего Ирана, особенно в северных районах. Предполагалось, что в это время вермахт займет Сталинград и выйдет на побережье Каспийского моря. Потом сроки восстания перенесли на осень 1942 года, а затем и вообще о нем забыли. После сражения под Сталинградом стало ясно, что Германия войну проигрывает, как я и предупреждал. Имели значение и другие обстоятельства. Вожди племен в северных провинциях охотно воевали против британцев, но сохраняли лояльность Советам. Поэтому они все время нарушали договоренности о нападениях на русские гарнизоны и коммуникации.

– После вступления советских и британских войск в Иран в августе 1941 года немцы были высланы из Ирана. Как вам удавалось заниматься разведывательной деятельностью?

– До этого момента Германия контролировала почти всю экономику Ирана, кроме добычи нефти. Поэтому выслать всех немецких специалистов и предпринимателей не удалось.

Некоторые остались в стране при помощи своих иранских друзей и партнеров. Высылка и аресты не затронули ни одного из руководителей германской разведки в Иране.

– Уточните, кого вы имеете в виду.

– Мой коллега из абвера Шульце-Хольтус был ненадолго интернирован в шведское посольство, но потом перешел на нелегальное положение – выдавал себя за муллу. Другой ключевой игрок, Гамотта, бежал в Турцию, а затем перебрался в Германию. Фюрер лично наградил его Железным крестом. Мне же пришлось скрываться на армянском кладбище, выдавать себя за могильщика, а потом я нашел приют у моего друга, иранского торговца Хассана.

– Вы участвовали в подготовке диверсии против товарища Сталина, а также Рузвельта и Черчилля во время проведения встречи «большой тройки» в Тегеране?

– Нет, не участвовал. Эта встреча состоялась в ноябре 1943 года. К тому времени я уже покинул Иран и занимался планированием заграничных операций в разведке Шелленберга.

– Насколько нам известно, вы играли заметную роль в нацистской разведке. Но вы умалчиваете об одном существенном факте вашей биографии.

– Что вы имеете в виду? Я предельно откровенен.

– В Иране вы вновь не ладите с берлинским начальством. Просили прислать вам радиостов и деньги. В одном из своих донесений в Центр вы писали: «Вопрос с деньгами стал особенно животрепещущим. Каждый шаг стоит денег, а у нас лишь нищенские запасы, которых не хватает даже для того, чтобы уплатить курьерам. В стране, где деньги – все, отсутствие средств – большая проблема».

– Удивительно. Не ожидал. Я действительно писал это.

– И ответа не получили.

– Вы перехватывали мои сообщения? Впрочем, зачем я спрашиваю! И так все ясно. Вы видели всю переписку?

– Не всю, но кое-что знаем.

– Вы цитируете донесение, которое я пытался передать в Берлин через жену моего коллеги Шульце-Хольтуса. Ее арестовали?

– Какое это имеет значение? Германская разведка неплохо работала в Иране, но и мы не сидели сложа руки.

– Не сомневаюсь.

– Вот и хорошо. Значит, вы не отрицаете, что отношения с Центром у вас были напряженные?

– Не отрицаю. В Берлине было много зарвавшихся и самонадеянных идиотов. Результат известен – Германия разрушена и оккупирована. Третий рейх был формой коллективного безумия, но когда я смотрю на наших американских друзей, то мои бывшие начальники кажутся мне просто гениальными. Допустить, чтобы мною командовали примитивные американские лавочники? Для меня это было бы высшей степенью морального унижения. Вы, возможно, знаете, что у президента США Трумэна разведкой занимается его приятель и партнер по покеру адмирал Сидни Сауэрс. Он вообще-то не военный, а торговец – владел сетью магазинов «Пиггли-Виггли». Я не хочу служить в «Пиггли-Виггли». Ни продавцом, ни охранником, ни даже директором секции женского белья. Не испытываю ни малейшего желания!

– А чего вы добиваетесь?

– Я разведчик. Ничего другого в жизни не умею. Хотел бы сотрудничать с вашей службой и новой Германией. В ней не будет места тупым нацистским бонзам и американским розничным торговцам. По крайней мере я на это надеюсь.

– Хорошо, мы подумаем. Благодарю вас за информацию и за откровенность. Беседу продолжим завтра.

«Вербовка, кажется, получилась. Впрочем, какая это вербовка? Он сам предложил свои услуги», – поскромничал Старостин, прекрасно понимая, что без его профессионального умения строить беседу Штайнер не раскрылся бы.

Удовлетворение, однако, не приходило. Тяжелым грузом давили опустошенность и усталость.

Круглов сочувственно поглядывал из затемненного угла комнаты. Этот допрос, а точнее вербовку, проводил Старостин, а он наблюдал и помалкивал.

«Как мышонок, глазами поблескивает», – подумал Старостин.

– Не знаю, насколько нежно он нас любит, но своих бывших и нынешних боссов он ненавидит намного больше.

– Главное – чтобы не поругался с нашим начальством. Оно тоже не подарок, – предупредил Круглов.

– Будем надеяться, – вздохнул Старостин.

Штайнер чем-то походил на Старостина, но Старостин был осторожнее.

Намного.

По крайней мере сейчас.

Глава 3

Сегодня лучше, чем вчера

Май 2007 года,

Мюнхен

– Вы любите баварский стиль?

Незнакомый мужчина был заметно старше Валерии – не меньше сорока, но не больше пятидесяти. Дорогая, респектабельная куртка, поло «Лакост», удобные замшевые ботинки. Живые, быстрые глаза выдавали в нем опытного охотника за женскими сердцами.

В любой другой ситуации Валерия молча бы отвернулась и отошла в сторонку. Она не любила знакомиться при случайных обстоятельствах, тем более на улице.

Однако атмосфера на выставке-продаже сувениров была умиротворяющая. Без всяких условностей посетители общались друг с другом, громко смеялись, охотно покупали всевозможные поделки.

Совсем рядом призывно застучали пивные кружки и аппетитно запахло поджаренным на огне мясом.

На этом фоне вопрос незнакомца выглядел более чем корректным, и если выбивался из общей картины, то только по причине своей излишней серьезности.

– А что вы называете баварским стилем? – спросила, в свою очередь, Валерия.

«Вопросом на вопрос – не очень вежливо. Но он, кажется, не обиделся».

– В самую точку! Каждый называет баварским стилем все, что ему придет в голову. Сами баварцы исповедуют культ семьи, а его символом считают уток. Видите, сколько здесь глиняных уток. Самых разных размеров. Многие даже в платочках на шее.

– Да, очень симпатичные.

– Мне они тоже нравятся. А вот другой вариант баварского стиля. Ничего общего с культурой бургеров. Нежные лилии, бледно-розовый и салатный цвета. Чаши изогнутой формы. Нервная, утонченная эстетика. Похож на стиль модерн, но появился намного раньше.

– Удивительно. Я даже не подозревала, что это называется баварским стилем, – призналась Валерия. – Я увлекалась немецким романтизмом.

– Не пугайте меня. Законченным продуктом немецкого романтизма был Гитлер. Кстати, своим избранием он в основном обязан голосам женщин.

В любое другое время высказывание незнакомца показалось бы Валерии неделикатным и даже злобным. При чем здесь Гитлер? О нем вообще не принято вспоминать. По крайней мере это неприятная тема, совсем не подходящая для первого знакомства. Однако после бессонной ночи всякие странности не вызывали раздражения и выглядели естественными.

– Я не интересуюсь политикой, – кратко ответила Валерия. – Чем плоха эстетика немецкого романтизма? Неужели она может не нравиться! Вы из Баварии?

– Мой отец родился в Баварии. У него была семья, но она погибла в Дрездене во время бомбежек. После войны отец вновь женился. Так что я ребенок от послевоенного брака. Отец был уже в возрасте. Приезжаю сюда отдохнуть и повидаться с родственниками.

– Я, кажется, перебила. Вы говорили, как появился этот стиль.

– Строго говоря, он отражает вкусы одного человека, который навязал его своим соотечественникам. Король Людвиг Баварский, собственной персоной. Помните, в середине девятнадцатого века он построил здесь фантастически красивые замки, дружил с Вагнером, был покровителем искусств?

Валерия уже более внимательно посмотрела на незнакомого мужчину. Он был увлечен своим рассказом и очень хотел доказать уникальность баварского стиля.

«Интересно рассказывает. Наверное, он искусствовед. Во всяком случае, культурный и начитанный человек. Большая редкость в наши дни», – уже без настороженности и даже с симпатией подумала Валерия.

– Молодой красавец, великан, – не унимался незнакомец. – Русский император подарил ему подлинные шпоры с ноги Петра Великого, а тот был не маленького роста. Так вот, они оказались малы Людвигу Баварскому. Многие считали его безумцем, осуждали за то, что он разорил государство строительством замков. А сейчас благодарят и считают его чуть ли не святым. На этих замках Бавария зарабатывает огромные деньги. Они уникальны.

– Людвиг Баварский, кажется, трагически погиб, – вспомнила Валерия.

– Как многие неординарные люди. Он утонул при странных обстоятельствах. Думаю, что его убили, – грустно заметил незнакомец.

Казалось, что он даже расстроился, и Валерии захотелось его пожалеть.

– И что, никто не пытался раскрыть это преступление?

– А зачем ворошить прошлое? Скелеты в шкафу есть у каждой нации. Конечно, теперь уже не узнать, как все было на самом деле. Поэтому Людвиг Баварского можно считать «немецким Кеннеди». Американского президента тоже убили, и все списали на бедного Освальда. Уверен, что заговор устроил тогдашний вице-президент Линдон Джонсон при помощи мафии. Но доказать это невозможно.

– Вы, видимо, историк? – не удержалась от вопроса Валерия.

– В известном смысле. Кстати, бьюсь об заклад, что вы никогда не были в любимом замке Людвиг Баварского.

– Почему вы так уверены?

– Во время экскурсий много говорят о привычках и вкусах Людвиг Баварского.

– А оказалось, что я ничего не знаю, – рассмеялась Валерия.

– Вы не обиделись?

– Нисколько.

– Значит, у вас хороший характер.

– Вы первый, кто так подумал. Характер у меня ужасный.

Незнакомец с сомнением покачал головой, но не стал спорить.

– Раз вы не видели этот замок, будем считать, что мне повезло. Предлагаю поехать туда вместе. Завтра вы можете? Покажу даже то, на что обычно не обращают внимание посетителей. Расскажу много интересного.

– Не сомневаюсь, – сказала Валерия. Она уже знала, что согласится. Незнакомец нравился ей все больше.

«Я знала, что сегодня все изменится. Никогда не нужно отчаиваться».

– Прекрасно. Выезжаем завтра в девять утра. Я возьму автомашину в отеле. Кстати, разрешите представиться – Питер Штайнер.

– Ты плохо обо мне думаешь. Легла в постель с незнакомым мужчиной в первый же день знакомства. – Валерия потрогала ладонями щеки.

Они горели, но не от стыда или смущения. В какой-то момент ей казалось, что она теряет сознание. Питер оказался на редкость страстным и ненасытным любовником, словно моряк, вернувшийся из дальнего плавания.

– В постель легли вообще-то двое. Ты не заметила? – попробовал отшутиться Штайнер.

– Тебя трудно не заметить. Никогда не испытывала ничего подобного. Ты словно ураган. Но не считай меня шлюхой.

– Я и не считаю. Мне кажется, ты ждала этой встречи.

– Вчера было так плохо. Все – конец света! Страшно вспомнить. Жизнь закончилась, и никогда не будет ничего хорошего. А сегодня я счастлива – встретила тебя. Ты прав, все это не случайно.

– В жизни вообще не бывает случайных встреч.

– Нас направляет высшая воля?

– Не знаю, как это назвать. Но я тоже предчувствовал, что сегодня произойдет нечто необычное, – сказал Питер и поцеловал ее грудь.

У нее была совсем небольшая грудь, как у молодой и нерожавшей женщины, с маленьким соском и нежной кожей вокруг него.

Валерия благодарно прижалась к Питеру, но ничего не сказала.

«Как хочется ему верить! Он мне очень нравится. Может, это моя судьба? Умный, нежный, сильный. Или я для него очередное приключение? Я же ничего не знаю об этом мужчине. Ничего!»

Питер словно прочитал ее мысли:

– Не спеши! Сейчас ничего не будем рассказывать друг о друге. Нам и без этого хорошо. Все придет само собой. Только подожди немного.

«Он прав», – подумала Валерия и спряталась у Питера под мышкой.

Это было вполне надежное убежище.

* * *

Валерия считалась одной из лучших студенток в Берлинском университете. Учеба не требовала особых усилий. Она легко переходила с курса на курс и еще успевала заниматься спортом – играла в теннис, плавала, каталась на горных лыжах.

Но странным образом всегда оставалась одинокой. Подруг можно было пересчитать по пальцам одной руки. Молодые люди ее не привлекали. Первый сексуальный опыт оказался неудачным и ничего, кроме разочарования, не принес.

После окончания университета Валерия сразу же получила престижную работу в информационном агентстве, а вскоре увлеклась фотографией и даже мечтала об открытии собственной мастерской. Ее работы стали появляться в глянцевых журналах, а некоторые из них были куплены рекламными фирмами.

В творческой среде было еще труднее найти мужчину ее мечты. Креативные коллеги часто оказывались геями, а те из них, кто с интересом поглядывал на гибкую фигуру и длинные белокурые волосы Валерии, мало уделяли внимания своей внешности, любили подхлестнуть фантазию большими дозами спиртного и покуривали травку.

– Ты посмотри на них! – возмущалась Эрика, университетская подруга Валерии. – Тебе хочется всю жизнь видеть в своей постели этих уродов? И мне не хочется. Кто сейчас хочет создавать семью и заводить детей? Правильно. Сторонники однополый любви. А остальные? Нет, я не могу! Это настоящий кризис.

– Неужели тебя не устраивает Марк? Будь довольна и выходи замуж. Нарожает кучу ребятшек. Чего ты ждешь? Ты с ним живешь уже три года, – возражала Валерия.

– Марк? Он хороший парень, но замуж за него я не пойду. Я не могу понижать планку, – отрезала Эрика и энергично взмахнула коротко стриженной головой.

Она хотела сделать карьеру и рассчитывала на выгодный во всех отношениях брак. В отличие от подруги Валерия надеялась только на себя, но сверстники были ей неинтересны. Привлекали более зрелые, состоявшиеся мужчины, что делало ситуацию почти безвыходной.

Как правило, потенциальные кандидаты были уже женаты, обременены семьей и рассматривали Валерию только в роли красивой молодой любовницы, не более того.

«А чем я отличаюсь от Эрики? – самокритично размышляла Валерия. – Ведь я тоже не хочу понижать планку. Только ей нужен богатый и влиятельный жених, а мне просто интересный человек. Ах, как благородно! Дуря лицемерная! Скажи уж прямо, что в жизни эти качества обычно совпадают».

Соглашаться с предположением о собственном лицемерии Валерии категорически не хотелось. Она возмущенно напоминала себе, что социальное положение мужчины ее не интересует. Главное – чтобы он был умным, надежным, интеллектуально развитым, ну и конечно, следил за собой.

Однако попытки представить себе подобный экземпляр неизбежно возвращали ее к логике рассуждений прагматичной Эрики. Валерия не хотела все сводить к холодному прагматизму, но ее романтическое восприятие действительности было уже изрядно подпорчено образованием и привычкой к хорошей жизни. Чтобы попасть в категорию «интересных», мужчине требовалось не только умение складно говорить и прилично выглядеть, а иметь еще массу достоинств. Всего не перечислишь.

Этот список «пожеланий» все время увеличивался по мере того, как выросла сама Валерия.

И вдруг все мучения прекратились в одно мгновение, когда она встретила Клауса Зоннера, известного журналиста, ставшего не менее удачливым кинорежиссером-документалистом.

Казалось, он по всем статьям подходит Валерии, отвечает ее вкусам и тайным желаниям. Умница, талантище! Не женат, вернее – разведен. Кажется, пять или шесть раз.

Всегда проявлял редкое благородство – уходил от очередной подруги жизни с одним чемоданом и начинал с нуля. Неудивительно, что со всеми бывшими женами он сохранил прекрасные дружеские отношения.

Добрый и порядочный. Но не очень везучий. Обольститель, умеющий быть поочередно ангелом и маскарадным чудовищем, за маской которого угадывалась добрая улыбка усталого и снисходительного к чужим слабостям человека.

Фантастическая встреча!

Валерия влюбилась, как школьница в преподавателя, и вообще утратила способность трезво оценивать происходящее. Эта сказка продолжалась четыре года. А потом Клаус ушел, объяснив, что отношения исчерпали себя и им нужно отдохнуть друг от друга. Он был прав. Наверняка прав.

Наступила черная полоса. Валерия чуть было на подседа на наркотики и спасалась только работой.

Подруги раздражали. Собаки гадили на улицах. Воздух был пропитан бензином, а сердце – горечью и разочарованием. Она знала, что вечно так продолжаться не может.

Встреча с Питером не могла быть случайностью. Таких случайностей не бывает. Она знала, что это вот-вот произойдет.

«А вдруг я сама себя обманываю? Я его совершенно не знаю», – еще раз подумала Валерия, засыпая. Она уже не могла заниматься любовью.

Это было выше ее сил.

* * *

«Неужели я влюбился? – Питер Штайнер лежал с раскрытыми глазами, поглаживая обнаженные плечи спящей Валерии. – Разве это еще возможно? Удивительно!»

Ему было очень хорошо.

Гостиница выходила окнами на мюнхенский собор Святой Богородицы – самое высокое сооружение в центре города, построенное в готическом стиле и украшенное часами. «Мюнхенский Биг-Бен».

Традиционные баварские луковицы купола поблескивали в темноте, подсвеченные с прилегающих крыш домов.

«Скоро будет рассвет. А что дальше?»

Тот самый разговор с отцом состоялся ровно двадцать пять лет тому назад, когда он только что окончил университет и подбирал первое место работы. Мечтал стать журналистом, много путешествовать. По совету отца занялся изучением не только международных отношений, экономики и журналистики, но и восточными языками, неплохо овладел хинди, урду, фарси.

Занятно, что разговор состоялся совсем недалеко от этой гостиницы. Тогда у них была большая квартира совсем рядом с главной мюнхенской площадью Мариенплац.

Питер любил прогуливаться мимо Старой ратуши, бродить по переулкам и часто заходил в книжные лавки. По традиции он дарил отцу на день рождения и на Рождество старинные гравюры.

Отец умер десять лет тому назад. Как говорят американцы, «присоединился к большинству». Он прожил почти девяносто лет и доказал, что это не так уж много для настоящего мужчины. Был в отличной физической форме, несмотря на ранения, полученные во время войны. Сильный, красивый человек. Прекрасная генетика.

Жаль! Он очень любил отца.

Но как трудно было понять друг друга, когда произошло то самое признание! Для Питера откровения отца были шоком, потрясением. Этого просто не могло быть, невозможно было себе представить. По крайней мере в первые минуты разговора.

«Отец, зачем тебе все это?» – так, кажется, он спросил отца.

Франц Штайнер говорил очень долго. Все доводы были тщательно продуманы и взвешены.

Но Питер мог бы привести другие аргументы, совершенно противоположные. Они также были бы убедительными и даже бесспорными.

«Зачем тебе все это, отец?» – все последующие годы он вновь и вновь задавал этот вопрос, хотя было бы правильнее спросить об этом себя самого.

Ведь он согласился, принял невозможное, немыслимое, абсурдное на первый взгляд предложение. Его убедили даже не аргументы, а голос отца, выражение его глаз, магическая сила, которая исходила от его слов. Все доводы были вторичны. Разве в них дело? А в чем?

Теперь Питер точно знал, почему он согласился, и наконец-то понял логику размышлений своего отца.

«Я сотрудник германской разведки, но я работаю на Россию и хочу, чтобы ты также помогал моей второй родине. Все, что хорошо для России, полезно и для Германии», – сказал он тогда ошарашенному Питеру.

Отец знал, что эта работа даст Питеру новый смысл жизни, спасет от разочарований и безверия, которые будут его неизбежными спутниками. Так было и в его собственной жизни, о которой он иногда рассказывал Питеру. Потрясения, которые он пережил в годы войны и поражения Германии, были излечены его тайной, второй жизнью.

Разве люди стали лучше за эти годы, а мир проще? Никоим образом. И отец оказался прав.

Питер осторожно освободился от руки Валерии, встал и, запахнувшись халатом, сел в кресло. Он разглядывал разметавшиеся волосы Валерии.

«Конечно, я не скажу ей ничего о своей подлинной жизни. Возможно, она никогда об этом и не узнает. А вдруг все раскроется? Никогда нельзя исключать провала. В конце концов,

меня могут просто убить. Но погибнуть можно где угодно – собьет машина, ударит молния, да мало ли? Те, кто боится всего на свете, гибнут, как правило, первыми. Я никогда не сделал ничего плохого. За что Богу меня наказывать?»

Где-то глубоко внутри Питер чувствовал зудящую тревогу: «Имею ли я право любить человека и одновременно его обманывать? Когда мы будем жить вместе, – если это действительно произойдет, – она неизбежно почувствует неискренность. И может предположить все, что угодно. Но это не обман. Я просто не могу сказать ей о своей второй жизни. Разве это помешает ей быть счастливой? И мне?»

«Да, может помешать, обязательно все вскроется, и окажется, что ты мерзавец и обманщик!» – подсказывал из глубины сознания противный гнусавый голос.

«А почему ты решил, что будешь с ней счастлив? Не многого ли ты хочешь?» – рассердился сам на себя Питер.

За окном появились первые розоватые лучи восходящего солнца. Он очень любил этот момент. Старинный город выглядел на рассвете особенно загадочно.

«Хватит сомневаться! Ты прекрасно знаешь, что с этой девушкой твоя жизнь изменится. Сегодня она будет лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. Ты же профессионал. Тебе не нужно годами приглядываться к человеку, чтобы понять, что он собой представляет. Только резонеры задаются вопросом, что такое разведка – наука, искусство или ремесло? На самом деле это таинство. Для чуда достаточно нескольких мгновений. Как тогда, когда я смотрел на отца, возражал, мучился сомнениями, но уже знал, что пойду его путем».

Валерия приоткрыла глаза и посмотрела на Питера. Он по-прежнему сидел в кресле и улыбался.

Для этого у него были веские причины.

Глава 4

Поиски оружия

Июль 2007 года,

Рим – Париж

Клод Сейрак не спал третьи сутки. Накануне он прилетел из Пакистана в Арабские Эмираты, откуда самолет итальянской компании доставил его в Рим.

В Вечном городе Клод арендовал неприметный, или, как любят выражаться не любимые им за жадность соотечественники-французы, «банализированный», автомобиль и добрался до Ниццы.

Затем он резко свернул на север и, проскочив миниатюрный Грасс с его сорока парфюмерными фабричками, добрался по «дороге Наполеона» до Гренобля. Здесь он должен был остановиться в заранее подобранной гостинице и отдохнуть.

Однако у Клода закрались подозрения, что его «ведут». Уверенности не было, но риск в его деле был недопустим, и Сейрак решил еще раз надежно провериться.

Он снял номер в одной из гостиниц в центре города, а ночью вышел «промочить горло» в знакомое бистро, где выпил кружку «панаше» – пива, разбавленного лимонадом.

У стойки толпились запоздалые посетители. Два опухших субъекта о чем-то громко спорили за угловым столиком. Проститутки после завершения напряженного трудового вечера заказывали кофе с кальвадосом или перно и не обращали на «самцов» никакого внимания.

Клод удовлетворенно хмыкнул. Он не без оснований считал жриц любви самыми опасными свидетелями – часами прогуливаются по улицам, знают всех жителей квартала, наблюдательны, великолепные психологи и к тому же «стучат» местным «фликам». Того и гляди, сам окажешься на крючке.

Сейрак незаметно вышел в коридор, в котором располагались туалеты и телефонная кабина. Оттуда он пробрался в переулок и вновь огляделся. Никого.

Клод смачно сплюнул и резво зашагал по направлению к выезду из города. Автостопом доехал до Лиона, где пересел на поезд, и вскоре был в Париже.

Здесь проблем с транспортом не было. На многих улицах можно было воспользоваться велосипедом – их мэрия бесплатно оставляла на улицах для нужд горожан, лишь бы суетливые парижане меньше ездили на автомобилях и не создавали пробок.

В метро Сейрак решил не заходить. Если на него объявлена охота, фото может быть у «фликов», дежурящих при входе на станции, в переходах и на пересадках.

«Камер везде понатыкали! Лучше бы шпану из пригородов ловили!» – подумал Клод без всякой надежды, что к его пожеланиям прислушаются министр внутренних дел и директор французской контрразведки.

Это ничуть не огорчило Сейрака. Он привык к безвестности.

Наконец-то Клод устроился в нужной гостинице. Две звезды, условия более чем скромные, постояльцы – небогатые туристы, студенты, автостоперы.

По внешним данным Клод вполне вписывался в эту категорию. Высокий, рыжеватый парень, на вид намного моложе своих тридцати лет, с простодушным и даже наивным интересом во взгляде. На спине – маленький черный рюкзачок, в который уложены зубная щетка, две пары носков и дорогое нижнее белье – единственная слабость, которая выбивалась из набора вещей, естественных для бедного странствующего интеллигента.

Ничего не подделаешь. Нужно уступать себе хотя бы в мелочах, иначе «котелок перегреется и взорвется».

Во внутреннем кармане куртки Клод поместил небольшой пакетик с драгоценными камнями, изъятый им из тайника, спрятанного в окрестностях Ниццы. Пакетик был замаскирован под белый камень, изготовленный из алебаstra. Разламывая это «изделие», Клод перемазался в белой извештке и долго оттирал ее пальцами, смоченными слюной.

На расплате драгоценными камнями настоял «продавец». Клод мысленно улыбнулся, лишний раз подивившись парадоксам жизни. Он знал, что бриллианты попали на обочину горной дороги прямо из Амстердама, где на тесных столиках в ювелирных мастерских их обрабатывали еврей-огранщики.

«Продавец» был махровым антисемитом, причастным к взрывам еврейского ресторана «Гольденберг» в парижском районе Маре и столовой для студентов-иудеев у Люксембургского сада, совсем рядом с Латинским кварталом. Однако это не мешало ему лелеять самые нежные чувства к «еврейским камням».

Достать камни из тайника – самая легкая часть операции. Предстояло еще обменять их на «игрушку».

Мало кому могло бы прийти в голову, что выбравший скромную гостиницу Клод, похожий на учителя лица и «левого католика», убежденного в праведности толстовской теории непротивления злу насилием, относится к элитной команде боевиков террористической организации «Аль-Кайеда».

Таких, как он, европейцев называют «эмирами с голубыми глазами». Они получают боевую подготовку в лагерях «Аль-Кайеды» в провинциях Пакистана у афганской границы, принимают ислам и готовы пожертвовать собой ради того, чтобы взорвать прогнивший западный мир.

Сейрак пользовался особым доверием. Он не на словах знал, что такое война: в течение двух лет выполнял спецзадания в подразделениях французских «пара коло» – «колонияльных парашютистов». Был ранен, награжден, потом уволен из армии за пьяную драку, в которой изувечил одного из сослуживцев. Дело замяли, но «осадок остался».

Клод давно бросил пить и дебоширить. Он находил наслаждение и смысл жизни в своей тайной войне против «цивилизации циников, вырожденцев и склеротиков», к которой относил практически все европейские страны.

Один из главных руководителей «Аль-Кайеды» лично знал его и всецело доверял. Бывшего «колонияльного парашютиста» берегли, не использовали в террористических акциях и поручали самые ответственные задания. Клод оправдывал доверие и пока не допустил ни одного прокола.

Он знал, что от успеха начавшейся операции зависит многое. Ему предстояло получить образец компактного и мощного авиационного двигателя для беспилотных летательных аппаратов типа «трутен». В дальнейшем предполагалось по винтику изучить двигатель и при участии опытных инженеров наладить производство партии, достаточной для крупной боевой операции.

«Трутни», конечно, не ядерная бомба, но они могут доставить химическое и биологическое оружие на расстояние в сотни километров.

«Оружие для бедных» – дешево, но сердито.

Сейрак не знал, как «Аль-Кайеда» намерена использовать эти ракеты, но был уверен, что готовящаяся акция затмит уничтожение башен-близнецов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

Габариты «игрушки» позволяли вывезти ее за пределы Франции в сумке или ящике средних размеров. В сущности, так и планировалось сделать. Главное – избежать неожиданностей и случайно не попасть в поле зрения местной полиции и контрразведки. Конечно, если действует «крот», любые меры предосторожности бесполезны, но живым Клод в любом случае сдаваться был не намерен.

В теле разливался жар – признак сильного переутомления. Нужно отдохнуть, хотя бы несколько часов. Клод не стал принимать душ, опасаясь, что расслабится, утратит контроль и как в пропасть сорвется в сон, который вырубит его сознание и волю.

Он осторожно, не раздеваясь, прилег на кровать, завел будильник, положил рядом мобильный телефон. Движения все больше напоминали заторможенную демонстрацию черно-белого немого фильма.

Сознание ускользало.

Клекот будильника прозвучал пронзительно и противно. Клод продрал глаза и посмотрел на мобильник. Никто не звонил. Впрочем, еще рано. Он с трудом поднялся и, словно лунатик, стал пробираться к душевой кабине, руками нащупывая стены.

«Я что-то забыл. Очень важное!» Замычав от бешенства, Клод вернулся к кровати и сел на край.

«Что-то случилось. Но что?»

Вспомнил! Пакета с камнями не было! Нигде! А ведь он был уложен в карман куртки, которую Клод для надежности положил под голову.

Пусто!

Клод застонал, как смертельно раненный зверь. Ничего хуже не могло случиться. Он слишком долго проверялся, нет ли слежки, и «перегорел». Как изношенная электрическая проводка. Нужно было поспать в дороге хотя бы полчаса, но разве мог он себе это позволить?

«Нужно искать!»

От возбуждения тряслись руки. Когда после увольнения из армии он сильно пил, его так же лихорадило с похмелья. Но он уже забыл запах крепкого спиртного. Возможно, зря. Иногда полезно снять напряжение.

Лоб покрылся испариной. «Где камни? Украли?» Он ничего не слышал. Слишком крепко спал. Это был даже не сон. Скорее похоже на потерю сознания.

«Может, отравили? Где? Когда?»

Клод попытался рассуждать, собирая осколки сознания, как рассыпавшуюся мозаику.

«Не спеши. Подожди. Сейчас все встанет на свои места. Главное – не паниковать». Ноги сами ходили по комнате кругами, бросали тело от одной стены к другой. В голове гудело – от усталости и чудовищного стресса.

«Или все же отравили?»

Клод сам не понял, почему он вдруг наклонился вперед и стал судорожно ощупывать ногу ниже колена. Вокруг ноги была обернута матерчатая сумочка с камнями.

Ах да! Вспомнил! В качестве дополнительной меры предосторожности он достал пакет с камнями из куртки, поместил его в сумку и закрепил ее на ноге, а затем надел свои просторные полотняные брюки. Провал в сознании.

Дисплей мобильного ожил и засветился зеленым сиянием. Условное SMS сообщало, что курьер прибыл и ждет на лестнице.

Клод подошел к двери и осторожно открыл ее.

*Июль 2007 года,
Пакистан, Исламабад*

Кличка Ковбой ему не нравилась. За редким исключением он вообще не ценил мнение окружающих, хотя порой был вынужден считаться с ним. Но чем больше приходилось учитывать настроения других людей, тем сильнее хотелось позлить всяких «недоумков». Особенно тех, кто гордится своим благочестием и пытается поучать его.

Вот и вчера он неожиданно прервал надоевшую ему встречу с политиками и, зевнув, заметил:

– Прошу извинить, но мне некогда. Пора к моим сукам.

«Ха-ха! Надо было видеть эти рожи!»

Он вдоволь насладился их «ступором», а потом все же пояснил:

– Нужно покормить моих болонок.

И по-военному четко направился к двери. Сзади доносился возмущенный шепот. Сейчас ему особенно легко было представить этого – в длинной несвежей рубашке, с бритой верхней губой, торчащей вперед бородой и свисающим животом.

Он наверняка пояснял своим соседям, что президент и верховный главнокомандующий вооруженными силами Пакистана Первез Мушарраф по кличке Ковбой держит дома болонок – «мерзкое отродье», – которых ислам считает нечистыми.

Интересно, где он это вычитал? Опять врет. Какое дело исламу до маленьких пушистых болонок? Неужели они действительно поверили, что он спешит покормить собачек?

На самом деле жизнь скучнее и прозаичнее. Каждый день ему нужно выезжать из Равалпинди, где находится его дом, в Исламабад и возвращаться обратно, меняя машины и время отъезда.

Три покушения – это много. Не очень приятно чувствовать себя мишенью, дичью на охоте, «бегущим оленем» под огнем тренирующегося на полигоне спецназа. Так и хотят превратить его тело в разорванные ключья кровавого мяса. Впрочем, он давно научился не испытывать страха – с того момента, как надел военную форму.

Прежде чем покинуть рабочий кабинет, Ковбой вновь раскрыл документ, который мучил его весь день, как ноющий зуб.

Национальный контртеррористический центр США

По имеющимся разведанным, «Аль-Кайеда» создала самую мощную с 2001 года программу подготовки террористов с привлечением европейских боевиков.

Организация значительно укрепила свои оперативные возможности по сравнению с прошлым годом и произвела перегруппировку сил в масштабах, не наблюдавшихся с 2001 года. Она демонстрирует невиданную мощь для подготовки атак в Европе и США.

Главной базой террористов являются граничащие с Афганистаном районы Пакистана. Боевики нашли там надежное пристанище в декабре 2006 года, после того как пакистанский лидер Первез Мушарраф пошел на подписание мирного соглашения с племенными вождями, выведя войска из северо-западных областей страны в обмен на обещание старейшин самостоятельно бороться с террористами.

Старейшины свое слово не сдержали.

Боевики попадают в США в основном через Европу – прежде всего через Великобританию, Германию, Данию и Нидерланды, которые предоставляют гражданам Пакистана упрощенный въезд на свою территорию. В свою очередь, эти четыре европейские страны включены в американскую систему облегченного визового режима.

«Занятно. Во всем виноват глупый „лидер Пакистана“. Вожди племен его обманывают, а он ничего не видит. И даже войска вывел. А как в реальности? Никаких войск он не выводил и даже допустил в эти районы американских спецназовцев. Интересно, кто это пишет? Откуда они берут весь этот бред?» Мушарраф раздраженно отбросил документ на край стола и достал из стопки бумаг сообщение резидента пакистанской разведки в Вашингтоне.

Исламабад
Президенту и верховному главнокомандующему
Исламской Республики Пакистан
генералу Мушаррафу

Интерес к документу Национального контртеррористического центра США подогрел телеканал Эй-би-си.

В своих новостных программах Эй-би-си утверждает, что летом текущего года «Аль-Кайеда» совершит крупный теракт на американской территории.

Телеканал ссылается на анонимного сотрудника американской разведки, который якобы сообщил, что группа боевиков уже находится на территории США.

Большое беспокойство вызвали также высказывания министра внутренней безопасности США Майкла Чертоффа. Он «нутром чует», что летом стране угрожает новый крупный теракт.

В своих официальных заявлениях администрация США опровергает эти «прогнозы», утверждая, что нет никакой достоверной развединформации о планах террористической атаки этим летом.

Наши источники в американской разведке также отрицают наличие конкретных данных о готовящемся теракте.

Они критикуют эмоционального министра внутренней безопасности Майкла Чертоффа: «Глупо спустя шесть лет после начала войны с терроризмом принимать решения в сфере безопасности, основываясь на интуиции».

Ковбой почувствовал острое отвращение к этим листкам бумаги, резко встал и вышел в приемную, где кивком попрощался с вытянувшимся адъютантом.

В холле бросил взгляд на свою гордость – в стеклянной витрине покоился оплавившийся камень, привезенный с полигона, где в 2004 году прошло первое испытание пакистанской ядерной бомбы. Президент мог бы сразу спуститься в гараж, где стоял его автомобиль, но он хотел еще раз полюбоваться на это чудо.

Превращение Пакистана в ядерную державу он считал своим главным достижением, которое обеспечит ему достойное место в истории. Его настроение улучшалось всякий раз, когда он вспоминал колоритного «отца ядерной бомбы» Абдул Кадир Хана – с усами, как у знаменитой кинозвезды Омара Шарифа.

«Доктор Странность» – так называли его близкие друзья.

Очень точно! Никто не заставлял его публично признаваться в том, что по собственной инициативе он передал ядерные секреты Северной Корее и Ирану.

После того как «доктор Странность» был осужден и должен был отправиться в тюрьму – на следующий же день после этого Мушарраф помиловал его специальным президентским указом и распорядился соорудить в центре всех крупных городов «Монументы ядерной гордости».

«Какое было замечательное время! Жаль, что все в прошлом!»

Президент, сгорбившись от обиды и отвернувшись от пронзительно-желтого «ядерного камня» в витрине, обреченно направился к выходу из здания.

*Июль 2007 года,
Париж*

– Мы так не договаривались! Вы сами предложили передать «игрушку» во Франции. – Клод Сейрак говорил вполголоса, но от его тона у связника побежали мурашки по спине.

«Предупреждали, что он опасен. Может выкинуть все, что угодно».

Курьер был заметно старше Клода. По-французски он говорил с легким немецким акцентом. Тевтонское происхождение выдавал и заметный пивной животик. Обычно красное лицо стало пунцовым от волнения.

«Сидел бы дома и пил свое пиво», – неприязненно подумал Клод.

Он не любил немцев. В семье хорошо помнили германскую оккупацию Франции в годы войны.

К тому же дед Клода участвовал в движении Сопротивления и неизменно праздновал 8 мая победу союзников над Германией. Несмотря на преклонный возраст, он отличался крепким телосложением и бодростью, что объяснял многолетним потреблением крепкого деревенского кальвадоса.

В День Победы дед, надев военные медали, выходил с другими потертыми временем друзьями к памятной доске у мэрии родного городка в Нормандии, которая сообщала, что на этом месте в 1944 году погибли два участника восстания против бошей.

Маленькая группа ветеранов стояла молча, не обращая внимания на проезжающие машины. Потом дед доставал военный рожок и давал сигнал «отбой». Покачиваясь на непослушных от времени ногах, бойцы минувших дней следовали в соседнее бистро, где чинно «убивали стаканчик» – вина или чего-либо покрепче.

В тренировочных лагерях «Аль-Кайеды» Клод встречал немцев, но они всегда держались особняком и практически ни с кем не разговаривали.

Перед выездом во Францию Клода предупреждали о возможном изменении места проведения операции. Допускался вариант, при котором вознаграждение можно было отдать при первой встрече, а «игрушку» получить чуть позднее и уже в другой стране. С точки зрения безопасности это было бы даже удобнее. Но на передаче «товара» именно во Франции настаивал «продавец».

Любой другой, возможно, сразу же согласился бы с новым предложением, но не Клод. Ему хотелось «опустить» немца и заодно выместить на нем накопившееся напряжение.

– В другую страну не поеду. Если не получается, это ваша вина. Разбежались и забыли друг друга, – жестко сказал Клод.

На лбу у курьера выступили крупные капли пота.

– Мне сказали, что вы не будете возражать.

– Вас обманули. А может, «игрушка» при вас и вы хотите меня кинуть? Получить оплату и сбежать. Откуда мне знать?

– Свяжитесь с вашим боссом. Он подтвердит мои полномочия.

– У меня нет для этого условий связи, – возразил Клод и стал глазами обшаривать полную фигуру связника, словно пытаясь обнаружить, не прячет ли он авиационный двигатель под одеждой. Потом откинулся назад и с издевкой ухмыльнулся: «У тебя в штанах микродвигатель. Меня он не интересует. Слабовата машина».

Курьер, казалось, прочел мысли Клода: «До чего же неприятный тип! Он что, сумасшедший? Может, действительно распроститься, пока не поздно? Но он может выстрелить в спину или пустить в ход нож. М-да, влип. Нужно мирно объясниться».

– Поймите меня правильно. Мы предлагаем максимально приблизить проведение операции к нашей фирме в Германии. Дело в том, что проводится крупная полицейская операция на франко-германской границе. Ловят террористов, наркоторговцев. Перевозить «товар» из Германии во Францию – лишний риск.

«У них есть источники информации в полиции. Нужно будет иметь в виду», – подумал Клод.

– А как я вывезу «товар» из Германии, если полиция гребет всех подряд?

– Сможете вывезти «товар» в Италию на частном самолете, который мы предоставим.

– За чей счет?

– Мы, разумеется, покроем дополнительные расходы, но вознаграждение за «товар» вы должны передать мне сейчас. – Связник, кажется, успокоился и даже стал брать инициативу разговора в свои руки.

Клод мог бы вновь одернуть и даже попугать «толстячка», но после пережитого стресса, когда померещилось, что камни украли во время сна, он ощущал гнетущую усталость и пикироваться с бошем уже не хотелось.

«Дал ему подзатыльник, и хватит».

– Когда и где передадите мне «игрушку»?

– Вы согласны расплатиться сейчас?

– Согласен. В случае чего никуда вы не денетесь. Когда и где?

– В Германии, в районе Ахена.

– Тогда мне придется арендовать автомашину.

– Ничего страшного. У вас же легальные документы.

«Вот так всегда. Бережешься на каждом шагу, даже от метро шарахаешься, а потом все летит к черту – опять машина и лишний риск. Нужно еще посмотреть, как они подготовились. Если все выглядит сомнительно, то лучше отказаться». Клод не хотел признаться самому себе, что уклониться от предложения он уже не сможет. В «Аль-Кайеде» его будут считать трусом, а это закончится плохо, очень плохо.

«Итак, охотник опять превращается в дичь. Ладно, не привыкать». Сейрак не подал виду, что уже фактически согласился, и заговорил более спокойным тоном:

– Дело не в документах. Мне нужно быть уверенным, что вы не под наблюдением.

«А сам-то я не под колпаком? Ведь были тревожные ощущения».

– У нас все нормально. Иначе я не приехал бы на встречу. – Связник достал из внутреннего кармана пиджака и показал Клоду схему. – Найдете этот паркинг. При подъезде к нему обратите внимание на дерево, которое указано на карте. Если увидите желтую ленту, приклеенную к стволу на уровне опущенной руки, значит, все в порядке. Можете въехать в паркинг и подняться на предпоследний этаж. Там вас будут ждать и передадут «товар».

– Вы обещали самолет.

– Я сейчас все объясню. Вы торопитесь. Смотрите на карту. Покинув паркинг, выезжаете по этой дороге к частному аэропорту. Здесь вас с «товаром» погрузят на самолет. Но на самолете мы не настаиваем. Можете использовать свои варианты. «Товар» будет при вас. Полная свобода выбора.

– Выглядит убедительно.

– Вы согласны расплатиться сейчас?

– Не возражаю, – нехотя ответил Клод.

– И еще одно. Передайте вашим боссам, что их человек в Вашингтоне, который помогает приобретать оружие, находится под угрозой провала. Они знают, о ком идет речь. ФБР стало известно, что он занимался финансовыми махинациями. До связей с вашей организацией еще не докопались, но на пути к этому. Нужно его прикрыть и отвлечь внимание.

Клод удивленно посмотрел на связника. Он не ожидал, что германские партнеры из небольшой «инновационной компании», занимающейся созданием новых видов вооружения, могут обладать столь ценной информацией.

«Видимо, в их бизнесе участвуют люди из высоких кабинетов», – подумал Клод.

– Ваш человек под угрозой провала, – еще раз настойчиво повторил немец и опять густо покраснел.

Глава 5

Покер с дьяволом

*Июль 2007 года,
Пакистан, Равалпинди*

Первез Мушарраф только что приехал в свой дом в Равалпинди, расположенный неподалеку от официальной столицы страны Исламабада.

Бывший британский гарнизон Равалпинди был излюбленным местом проживания высших военных чиновников и просто богатых людей. Здесь сохранился аромат времени, атмосфера солидности и спокойствия.

В доме было много книг – большая библиотека, которую в течение многих лет подбирал сам хозяин.

– Чтобы понять Пакистан, его историю и культуру, не хватит целой человеческой жизни, – любил говорить Ковбой, делая при этом округлые движения правой рукой и развивая свою мысль. – Не случайно именно здесь сошлись великие цивилизации – буддийское царство Гандхара, персидское наследие Дария и мусульманской империи Великих Моголов, сюда стремились Александр Македонский и войска британцев.

«Как хорошо рассуждать о вечности!»

Мушарраф не любил людей, так как слишком хорошо знал их слабости и пороки. Но обожал свою страну. Когда он уйдет в отставку, то запретит в своей библиотеке и будет выходить из нее, только чтобы прогуляться в саду.

Первез мечтательно улыбнулся. Да, сейчас все поняли, что Пакистан – серьезная фигура в большой игре.

В этом уголке британской колониальной империи Киплинга посещали откровения, когда он путешествовал по пустыням, лесам, пересекал нагромождения гор, рассматривал карты, где переплетались в тонкие кружева караванные тропы и стратегические дороги.

– Вы романтик, генерал! – сказал ему один из восхищенных слушателей.

– Нет, я прагматик и поэтому люблю Киплинга, – возразил тогда Мушарраф и был вполне откровенен. Он действительно часто читал Киплинга, чтобы разгадать, что же замышляют англосаксы, хорошо усвоившие правила большой игры.

Знание истории помогало принимать самые трудные решения. Ключевое положение страны было ее богатством и проклятием.

Как проводник в горах, он пытался нащупать спасительную тропинку между крайностями и был убежден, что пока ему удавалось избегать фатальных ошибок.

Но спокойствие и удовлетворение не могут быть вечными. Можно обмануть опасность, но нельзя навсегда избавиться от нее.

Угроза, как и смерть, меняет свое обличье. Из провонявшего потом фанатика она может превратиться в обольстительную женщину и даже невинного ребенка.

И самое неприятное, что, предчувствуя опасность, не всегда удастся уклониться, спрятаться, миновать ее. Она, как шипящая кобра, выпрямляется, гипнотизирует желтыми неподвижными глазами, а потом приближается, медленно и торжественно покачиваясь, словно пытается лучше рассмотреть свою добычу. Быстрее молнии наносит смертельный удар, разрывает плоть и впрыскивает яд.

Первез часто ощущал себя бессильной жертвой. Его загоняют в угол. Мозг напряженно работал день и ночь, но спасительное решение, как это бывало раньше, не приходило.

«Нельзя играть в покер с дьяволом. Обязательно проиграешь».

Автомашина с затемненными стеклами, в которой сидел его адъютант, покинула виллу и выехала на тихую зеленую улицу. Бесшумно открылись и закрылись глухие ворота.

Первез остался один, не считая охраны.

Фонари, установленные вдоль покрытой гравием дорожки, бросали свет на зеленую лужайку, похожую на плотный персидский ковер.

«Газон не хуже, чем в Уэмбли».

Ковбой аккуратно повесил военный костюм «сафари» на плечики, стоящие рядом с кроватью. Привычка – форма должна быть на расстоянии вытянутой руки, чтобы в случае опасности можно было одеться в считанные секунды.

Умывшись, он протер руки своим любимым одеколоном, купленным в роскошном магазине на Бонд-стрит в Лондоне, и облачился во фланелевые брюки и поло.

Поблескивая очками, задумчивый и интеллигентный, стал похож на британского профессора – любителя игры в гольф. Вряд ли кто-либо мог дать Первезу его шестьдесят четыре года. Он полон сил. Стройная, тренированная фигура, совсем немного седины и морщин, быстрый взгляд, все время в движении.

Просторные комнаты смотрелись пустовато – только ротанговые диваны и кресла, журнальные столики, в кабинете – письменный стол и книжные полки вдоль стен.

Первез любил полумрак и считал его лечебным для глаз, устающих от яркого солнца и чтения бесчисленных официальных документов. Иногда он думал, что из бумаг, которые прошли через его руки, можно было бы соорудить пирамиду среднего размера.

«Хорошо бы потом облить ее бензином и запалить!»

Три белые болонки, отчаянно крутя хвостиками, уже забрались к нему на колени. Первез с удовольствием откинулся в глубоком кресле и, поглаживая особенно нежную болонку, которая лизала его в щеку, налил виски. Он любил выпить перед сном и никогда не добавлял в виски лед, чтобы не испортить вкус напитка.

Фундаменталисты упрекали его за эту привычку. А почему они не возмущаются тем, что бойцам спецназа дают порцию рома? Для дезинфекции и снятия стресса.

«Итак, нельзя одолеть дьявола, играя с ним в покер, – вернулся Первез к понравившейся ему мысли. – Остается только понять, кто дьявол и о какой игре идет речь. Меня обвиняют в том, что я веду двойную игру. Допустим. Нужно только определить параметры этой игры. Тогда станет окончательно ясно, есть ли шанс выиграть».

Против обыкновения Мушарраф плеснул в стакан еще виски. В более спокойные времена он ограничивался одной порцией.

Самая ласковая и непоседливая болонка устала и заснула, уютно устроившись между рукой и спинкой кресла. Две другие болонки сидели смирно, похожие на маленьких пушистых сфинксиков.

«Вот так и в жизни. Страстные быстро разочаровываются, а положиться можно только на тех, кто умеет терпеть и выжидать». В голове приятно зашумело.

«Ты не понимаешь, Первез. Здесь не шутят. Если ты не откроешь нам все двери, мы вернем твой долбаный Пакистан в каменный век. Тотальная бомбардировка. Земля гореть будет. Ты этого хочешь?» Американский генерал, которого Мушарраф знал многие годы, выражений не подбирал. Он переводил на откровенный военный язык то, что в более дипломатичной форме сказали в Государственном департаменте, а затем в Овальном кабинете американского президента.

После террористической атаки 11 сентября 2001 года американцы потребовали предоставить в их распоряжение территорию Пакистана, чтобы блокировать террористов в горных районах Афганистана, а затем выманить скрывающегося там бен Ладена.

Первез тяжело вздохнул. Это сейчас кажется, что ему было легко пойти навстречу нетерпеливым янки. А на деле это меняло всю его жизнь. Разве он не создавал с американскими советниками движение «Талибан», чтобы сражаться против русских?

Да, бойцы «Талибана» покинули Пакистан и ушли через горы, чтобы очистить Афганистан от неверных. Но они сохранили свои базы и каналы поставки оружия в зоне племен. Этот горный район не удавалось и не удастся контролировать никому – ни британцам в прошлом, ни пакистанской армии сейчас. Именно поэтому он договорился с племенными вождями, что не будет вмешиваться в их дела.

Американцы требуют ударить по талибам. Но это взорвет Пакистан изнутри! И все же Первез пошел на сделку. У него не было выбора. Вся военная машина была повернута против исламистов.

В талибских районах на пакистано-афганской границе развернули свои операции американские коммандос из «подразделения 121». Это они нашли Саддама Хусейна в Ираке и теперь охотились за бен Ладеном.

Впрочем, безуспешно. Иногда казалось, что американцы и не хотят найти «террориста номер один». Неудивительно. Он же превратился в отличное пугало для всего мира.

Первез провозгласил священную войну с экстремизмом. Вряд ли это можно назвать сделкой с совестью – он действительно убежден, что фанатики могут погубить страну.

Казалось, равновесие было найдено. В благодарность за решительные действия против террористов американцы предоставили финансовую помощь и позволили закупить самое лучшее оружие. Более того, Вашингтон даже закрыл глаза на создание ядерной бомбы. Его предупреждали, что следует насаждать демократию, но при этом подмигивали – делай что хочешь, только дави террористов.

Американский дьявол был понятен и предсказуем. Но был и его сиамский близнец. Первез понял, что ему не прожить и дня, если не успокоить исламистов. С террористами и «Талибаном» заигрывать уже бесполезно. Теперь они ненавидят его и всех военных, считая их предателями ислама.

Но в стране много и других людей, которые могут переметнуться к экстремистам, если не пойти на уступки. Поэтому он пошел на сделку: исламисты признают его власть, а он разрешит применение шариата для вынесения приговоров.

А что вы хотите? В духовных школах обучается почти два миллиона молодых людей. Там открыто восхваляют джихад. И в любой момент могут объявить «священную войну» правительству. Что тогда делать? Кто его спасет? Американцы? Напрасные надежды.

Казалось, его американские «друзья» понимают, что ему приходится лавировать между молотом и наковальней. А теперь как с цепи сорвались. Его обвиняют, что он потакает экстремистам, а пакистанская разведка кормится взятками и вообще состоит на содержании у «Талибана». Требуют разорвать соглашение с племенами на границе с Афганистаном и перейти к крупным военным операциям.

Он мог бы понять все, даже самые жесткие требования, и вновь попытаться договориться. Но Вашингтону и этого мало. Предъявили ультиматум: он соглашается на возвращение Беназир Бхутто, мятежной и дрожащей от жажды возмездия, или его просто уберут.

Непонятно – зачем им это? Нельзя одновременно бороться с экстремизмом в исламской стране и «внедрять демократию»!

И разве Беназир демократ? Кто придумал эту чушь в Вашингтоне? Да они просто издеваются и лгут ему в глаза! Как будто он только вчера появился на свет!

Беназир – безумно красивая женщина, хитрый политик и абсолютнейший диктатор. Если ей удастся прорваться к власти, она будет мстить – за повешенного отца, за годы изгнания и унижений.

А это гражданская война!

Первез хотел улыбнуться, но только нервно поморщился. Он вспомнил беседу с одним из советников Беназир, которого его военной контрразведке удалось завербовать.

– Каков результат ваших дискуссий с Беназир? – спросил Первез этого ценного агента, которого привезли в бронированном джипе для конспиративной встречи на одной из военных баз.

– Если вы думаете, что существуют какие-либо дискуссии, то глубоко заблуждаетесь. Никаких дискуссий никогда не было и не будет. Беназир выслушивает всех, а потом сама принимает решение. И никто не знает, что она будет делать. Иногда она и сама этого не знает. Интуитивный политик – так, кажется, это называется.

Получалось, что шансов выиграть в покер с дьяволом не было никаких и он обречен. Или все же попробовать? Сдаваться он не привык. Решение нужно было принять сегодня. Иначе не избежать «удара кобры». Это его пугало, хотя он никогда не признался бы, что ему знакомо чувство страха.

Телефон правительственной связи, стоящий на отдельном столике, прервал уютную тишину дома.

Первез аккуратно положил белых болонок на ковер – одну за другой – и взял трубку.

– Господин президент! Экстремисты захватили Красную мечеть.

– Сколько их, как вооружены, требования?

– Точное количество вооруженных лиц нам неизвестно, но в Красной мечети заперлись две тысячи студентов медресе.

– Сколько?

– Более двух тысяч.

Одна из болонок подняла голову и озабоченно посмотрела на любимого хозяина. Он был явно взволнован. Ей хотелось помочь, но подобраться ближе и прижаться к его ногам она постеснялась.

«Так и не успел принять решение. Жаль. Это уже не ультиматум, а открытый вызов, – обреченно подумал Мушарраф. – Союзников нет, я остался один».

– Ничего не предпринимайте, сейчас приеду. – Бросив трубку, он направился в спальню, где на плечиках висел военный костюм «сафари».

*Июль 2007 года,
Германия,
Берлин – Ахен*

Каждое лето Европа превращалась в жарко натопленную сауну или во влажную турецкую баню. Этот июль не стал исключением. Днем обещали не менее тридцати пяти градусов.

Начальник управления по борьбе с терроризмом Федерального министерства внутренних дел Германии Лутц Вайсзеккер опять не спал всю ночь, забывшись только к утру.

От жары обострилась экзема на руках, которую он с горькой иронией величал «сувениром», подаренным нервной работой и постоянными стрессами.

«Невольно позавидуешь этому парню», – подумал Вайсзеккер, представив, как курьер «Аль-Кайеды» Клод Сейрак приближается к городу Ахен.

Вайсзеккер часто бывал во время отпусков в этом благословенном месте, где лечил экзему и прочие недуги целебной водой из минеральных источников – самых горячих во всей Германии. Вода оказывала чудодейственный эффект. Пропадали даже следы экземы. Не зря эти воды ценились еще древними римлянами. А ран и увечий от постоянных походов и битв у них хватало.

После лечения Вайсзеккер несколько месяцев чувствовал себя как новорожденный с нежной кожей. Но потом болезнь возвращалась, и зуд становился нестерпимым.

На вопросы Вайсзеккера его лечащий врач только разводил руками:

– Нужно бросать свою каторжную работу, Лутц. Советую преподавать в университете или в крайнем случае пойти в корпоративные юристы. А еще лучше поселиться в Ахене. Строгая диета, свежий воздух, прогулки, воды – проживешь до ста лет.

Вайсзеккер охотно воспользовался бы этим советом. Ему нравился Ахен, расположенный поблизости от границы Германии с Бельгией и Нидерландами.

Вот уж действительно перекресток Европы – конечная станция городского автобуса находилась уже за границей – в Нидерландах.

Не случайно именно здесь похоронен Карл Великий, император Священной Римской империи и Королевства франков, первый, кто объединил Европу.

Спокойный буржуазный город с остроконечными шпилями собора и городской ратуши, солидными серыми домами, лечебным воздухом и прекрасными минеральными источниками – что еще нужно полицейскому генералу, чтобы встретить старость?

Но начиналась очередная операция, и мечта об Ахене становилась мутной и тусклой, как запотевшее стекло, а затем и вовсе исчезала, словно ночное видение.

Вайсзеккер прекрасно понимал, что откажется от работы, ставшей для него необходимым допингом и смыслом жизни, только в одном случае – если не останется никаких сил заниматься этим промыслом. Пока силы еще были, несмотря на надоевший зуд кожи обеих рук.

Оперативный центр Федерального министерства внутренних дел гудел, как растревоженный улей. Через огромное окно во всю стену было видно – над Шпреей легкий туман или даже скорее испарина, сквозь которую пробивается беспощадное, несмотря на раннее утро, солнце. Сюда, в самый центр Берлина, стекалась вся самая свежая информация о происшествиях, преступлениях и полицейских операциях.

На экране, расположенном в глубине зала, красная точка резво продвигалась к окраине Ахена.

Вайсзеккер хорошо знал это место – заросшая деревьями и кустарником возвышенность, с которой просматривается весь город. Потом федеральная трасса повернет на север – прямо к Кельну.

«Куда он поедет дальше? В город или сделка будет проходить в другом районе?»

– Объект направляется в объезд Ахена, на север, – доложил дежурный.

– Скорость передвижения?

– Обычная. Едет в потоке.

– «Наружке» приблизиться к объекту. Бригады захвата перебросить на участок Ахен – Кельн.

Красная точка стала сбрасывать скорость, словно раздумывая, что делать дальше. Затем быстро побежала в северном направлении.

«Он едет в Кельн или сейчас свернет на сельскую дорогу? Если свернет, его нужно брать».

Однако красная точка не прислушалась к внутреннему голосу опытного Вайсзеккера и внезапно остановилась, а затем стала медленно сворачивать направо.

– Объект направляется к торговому центру.

Ситуация усложнялась. Существовало множество причин, по которым Клод Сейрак мог заехать в торговый центр, – еще одна попытка обнаружить «наружку», желание сменить машину, конфиденциальная встреча, а может, попросту хочет перекусить. Мало ли? А вдруг операция по передаче «товара» произойдет именно здесь?

Ошибаться нельзя. Если Клод выявит наблюдение, операция будет сорвана. И отпустить его на большее расстояние тоже рискованно – можно упустить продавца и сам момент контакта.

Что-то подсказывало Вайсзеккеру, что наступает развязка и медлить больше нельзя. Все мелочи, включая и зуд от проснувшейся экземы, отступили на задний план, в голове и теле появилась легкость, ощущение веселого азарта, как у гонщика «Формулы I», который закладывает последний опасный вираж, – сейчас он обгонит болид соперника и выйдет на финишную прямую.

Ради этих пьянящих моментов Вайсзеккер и обожал свое ремесло.

– Блокировать въезд в торговый центр. Приготовиться к захвату.

Хищные синие точки на экране устремились к мерцающему красным отблеском объекту и стали окружать его.

– Въезжает на паркинг, ищет место.

– Следовать за ним. Его контакт появился?

– Кажется, рядом затормозил джип. Но уверенности нет. Видим плохо.

– Сейчас будет осуществляться передача «товара». Не упустите. Сближение и захват, – жестко сказал Вайсзеккер и поморщился от боли. Экзема, словно изголодавшийся хищник, опять вцепилась в пораженную кожу.

Лутц не обратил внимания на боль и довольно улыбнулся. Можно вздохнуть с облегчением – через несколько минут операция будет завершена.

Но он ошибся.

Июль 2007 года,

Хорватия

Немецкая пара исполняла фокстрот в классическом стиле начала прошлого века. Дама в офисных очках и летних брючатах внимательно смотрела вдаль, чуть выше головы партнера. Он выглядел еще более сосредоточенным и, судя по шевелению губ, отсчитывал ритм: «Один, два, три. Поворот».

Прямые спины, механические движения.

– Не хочешь потанцевать? – спросил Питер.

– Только не здесь, – улыбнулась Валерия. – Не мой стиль.

– М-да, понимаю. Танцы как в фильмах про войну. Где-нибудь в офицерском клубе. Немцы почти не меняются.

– Ты слишком сурово их судишь. Посмотри, танцуют в соответствии со своими вкусами и желаниями. Много интеллигентных лиц. Музыка, правда, сама по себе. Но зато есть выбор. Это демократия, – возразила Валерия.

– Ну, если ты считаешь демократией возможность отплясывать кому как заблагорассудится, тогда я молчу.

Валерия опять улыбнулась. Питер нравился ей самым разным – нежным и жестким, задумчивым и агрессивно-решительным.

Выражение его лица, тон, манера говорить могли измениться в одно мгновение, но каждый раз это было естественным, без малейшей фальши. И вызывало ощущение теплой нежности и радости.

После их первой встречи в мае они почти не расставались. А вскоре появилась возможность взять отпуск, и Питер увлек ее на берег Адриатики, в свою любимую Хорватию. Они уже договорились, что этот отпуск будет «медовым месяцем наоборот». После возвращения они зарегистрируют свои отношения и обязательно обвенчаются.

Правда, Питер – католик, а она – лютеранка.

Впрочем, это не помеха. Валерия согласилась перейти под покровительство Римской католической церкви, хотя ее история внушала ей смутное беспокойство – мирные на вид

доминиканские монахи были наследниками инквизиции, а иезуиты по-прежнему плели вокруг папского престола в различных уголках мира сложные и только им ведомые интриги.

Но чего не сделаешь ради любимого!

Разместившись в гостинице, переполненной немцами, русскими, итальянцами и зажиточными хорватами, Валерия и Питер в первый же день отправились в близлежащий город Пореч, он же римский Парентиум, итальянский Паренсо и немецкий Паренс.

Каждая эпоха оставила свой отпечаток – типично германские средневековые дома со ставнями, венецианские палаццо, византийская базилика шестого века. Город словно застыл на полпути между готикой и эпохой Ренессанса.

Валерия была в восторге. Она любила сосны и скалистые берега, прозрачное море и старинные улочки приморских городов. Всего этого было здесь в избытке, словно перенесенного из разных стран и эпох специально для нее.

Питер становился все ближе, и было трудно поверить, что знакомы они совсем недавно. «Мне нравится, как он говорит, улыбается, поворачивается, смотрит на меня. У нас одинаковая реакция на людей и жизненные ситуации».

Валерия с ужасом думала, что это сладкое наваждение вдруг испарится и вернется глухое одиночество. Она уже не могла представить свое существование без Питера. Это радовало и одновременно пугало.

«Он никогда не показывает отрицательных эмоций. Но это не значит, что у него их нет. Он их скрывает? Если сердится, то делает это как бы в шутку. Жалеет и бережет меня? Или прячет свои реальные чувства?»

Иногда Валерия ловила на себе внимательные взгляды Питера. Казалось, он изучает ее и задается теми же вопросами. Это предположение успокаивало Валерию. «Если Питер пытается понять меня и даже испытывает сомнения, это хорошо. Противно быть уже прочитанной книгой. Если все очевидно, то отношения неизбежно закончатся скукой и раздражением. Не знаю, как для него, а для меня это было бы трагедией».

Прогулки вдоль берега, солнце, великолепные пейзажи, соленый морской воздух и прохладная вода отвлекали от тревожных мыслей. А после бурного секса не хотелось ни о чем думать, а только со счастливой и немного растерянной улыбкой прижиматься к разгоряченному телу Питера и нежно гладить его, чувствуя, как вновь просыпаются страсть и желание.

«С ним я сбрасываю старую кожу. Мы такие одинаковые и такие разные. В нем есть качества, которых мне самой не хватает, – спокойный, рассудительный, мудрый».

– О чем ты думаешь? – спросил Питер.

– О тебе.

– После этого признания я скажу, что занимаюсь тем же: думаю о тебе. Потом выяснится, что думаем мы примерно одно и то же. И это будет абсолютной правдой. Бессмысленный разговор двух влюбленных. – Питер поднес руки Валерии к своим губам и поцеловал их.

«Не хочет, чтобы я обиделась. А на что обижаться? Действительно нелепый разговор».

– Знаешь мой главный недостаток? – спросила Валерия.

– Ты соблазняешь мужчин.

– Я хотела сказать о другом. Часто я думаю одно, а делаю другое. Бывает, что мне одновременно хорошо и страшно плохо. Это раздвоение личности?

– Тебе только так кажется. Любой человек испытывает разные эмоции. Побеждают те, которые оказываются сильнее. Это нормально. Проблема в том, что у многих людей и эмоций-то особых нет. Все ровно и гладко. Не за что зацепиться. Тоска! А ты – эмоциональна. И мне это очень нравится.

– Ты не понял. Если человек делает не то, что реально хочет, это и есть раздвоение личности. А ты цельный, последовательный, уверенный в себе. Ты знаешь, чего хочешь.

– Не уверен.

- Ты не хочешь меня? – капризно поинтересовалась Валерия.
- А вот в этом нет никаких сомнений, – признался Питер. – Иди ко мне, мое чудо!

– Валерия, сколько можно полоскаться в душе? Уже целый час. Мы опаздываем на ужин! – Всерьез проголодавшийся Питер Штайнер еще раз попытался перекрыть шум падающей воды.

- Сейчас, уже скоро. Вода очень приятная. Мягкая, – сообщила Валерия.
- Умоляю, нельзя быть такой чистоплотной! Я умру от голода!

Питер вышел на балкон, с которого открывался умиротворяющий вид на бухту. По берегам высились здания гостиниц, на морской глади белели паруса яхт, на горе уже загорелся крест, установленный на колокольне Святителя Николая. Это современное сооружение вблизи было похоже на застекленную шахту лифта, однако в темноте благодаря умелой подсветке превращалось в подобие купола средневекового собора.

«Иллюзии бывают сильнее реальности. По крайней мере красивее».

От этой многообещающей мысли Питера отвлек зуммер мобильного телефона. Прочитав SMS, он нахмурился. Малопонятная для непосвященных фраза означала, что его «кураторы» требуют прервать отпуск и срочно вызывают на расположенную в Мюнхене конспиративную квартиру германской разведывательной службы «Бундеснахристендинст», или попросту БНД.

Такие сообщения поступали исключительно редко. Обычно БНД серьезно относилась к отпуску своих сотрудников и предпочитала не отвлекать их от заслуженного отдыха.

А «коллеги» в Восточной Германии, исчезнувшей с географической карты, но не из сознания немцев, предоставляли своим разведчикам сразу два отпуска – один, чтобы устроить серьезный загул с танцами, спиртным и прочими удовольствиями, «сбросить стресс», а другой – для поправки здоровья и санаторно-лечебного отдыха. На службу после такого «дубля» все возвращались удовлетворенными и свежими.

«Может, после встречи в Мюнхене удастся вернуться сюда? Райское место. Обидно все бросать. Тогда стоит оставить здесь Валерию. Хотя вряд ли все обстоит так просто. Иначе бы не вызывали. Наверняка предстоит командировка. Под прикрытием моего журнала? Ситуация, видимо, нестандартная. Возможны любые варианты. Придется рассчитаться с гостиницей. Валерия расстроится».

– Я почти готова, – сообщила появившаяся из ванной Валерия. Она запахнулась в мокрое полотенце и придерживала влажные волосы.

– Отлично. После ужина собираем чемоданы и выезжаем в Мюнхен завтра утром.

– На работе что-то стряслось?

– Да, зачем-то вызывают. Очень жаль. Извини, что испортил тебе отпуск.

– Не расстраивайся. У нас впереди еще целая ночь, – сказала Валерия. – Ты очень хочешь ужинать?

Мокрое полотенце не удержалось и упало само собой.

Глава 6

Сомнительная тишина

Июль 2007 года,

Германия, Ахен

Приближаясь к торговому центру на окраине германского города Ахена, Клод Сейрак, не отрываясь, слушал новости по радио.

Он еще ничего не решил. Предложенный немецким «продавцом» план по передаче «игрушки» был вполне убедительным, но Клода не покидало тревожное беспокойство. В «Аль-Кайеде» его ценили именно за это качество. Боевиков, курьеров, смертников было достаточно. Но Сейрак был по-своему уникален. Он обладал редким даром чувствовать опасность даже в тех случаях, когда она не проявлялась никакими внешними признаками.

«Решительный и уверенный в себе игрок. Интеллектуальный уровень средний. Однако, руководствуясь интуицией, в кризисных ситуациях принимает нестандартные и верные решения. С этим талантом нужно родиться. Воспитать его невозможно. К недостаткам следует отнести периодически возникающие истерические состояния и подверженность маниакальным идеям, способную перерасти в серьезное заболевание», – определил особенности личности Клода профессиональный психолог, занимающийся подготовкой террористов.

Определение было точным, но не полным. Клод не был игроком. Он только считывал сигналы, которые посылало ему пространство, вибрирующее энергетическими излучениями от самых разных опасностей.

Проблема состояла в том, чтобы вычленив из этой стонущей от боли пустоты угрозу, предназначенную именно для него, не смешаться с другими потоками и не сойти с ума от невыносимого объема посылаемой неведомо кем информации.

Он еще не понял, что ожидает его в самое ближайшее время, и пытался нащупать истину, вслушиваясь даже не в содержание сообщений, а в интонации дикторов по радио и непрерывно переключая каналы.

Одновременно он не забывал следить за дорогой, посматривать в зеркало заднего вида и в боковые стекла, тестируя все автомашины.

«Ничего необычного! Ничего!»

– В День независимости США 24-летний американец Джон Чеснат подтвердил свой титул чемпиона мира по поеданию хот-догов, – с восторгом тараторил голос по радио. – Он съел шестьдесят четыре хот-дога и победил своего давнего соперника – японца Такеру Кобаяси.

Клод почувствовал рвотный рефлекс, но не переключил программу.

– Американец и японец шли вровень до последней секунды соревнования. Каждый из них проглотил по пятьдесят девять хот-догов за десять минут. Но в овертайме Чеснат ценой невероятных усилий все же сумел опередить Кобаяси, съев пять булок с сосисками быстрее, чем японец.

Сейрак ощутил головокружение и даже дернул рулем, но снова взял себя в руки.

– Нужно признать, что победа Чесната не столь весома, как в прошлом году, когда он умудрился расправиться с шестидесятью шестью хот-догами. На этот раз морально он был готов скушать семьдесят хот-догов, но сил не хватило.

«Слишком людное место. Почему они изменили своим привычкам? Раньше посредники передавали „товар“ в безлюдных местах. Если на границе проводится крупная полицейская операция, то зачем же проводить передачу в Ахене, он рядом с границей?»

– Ничего страшного! Будем надеяться, что в следующем году Чеснат все же съест семьдесят хот-догов, а пока поздравим его с выдающимся достижением! Победитель получает десять тысяч долларов и обеспечивается хот-догами на год вперед. Пусть тренируется!

Клод стал притормаживать и въехал в паркинг. Ничего подозрительного, но он был уверен, что скоро здесь будет жарко. Этого не объяснишь. У него всего несколько минут.

Вместо того чтобы искать место для парковки, он резко свернул к выезду из паркинга. Затем выехал на открытую парковку и, выскочив из машины, быстро прошел вдоль ряда автомобилей. По наитию остановился около потрепанного и пустого «фольксвагена», мгновенно вскрыл дверь, завел двигатель и выехал из паркинга на юг – в сторону нидерландской границы.

*Июль 2007 года,
Вашингтон,
Овальный кабинет Белого дома*

Президент США Джордж Буш-младший с интересом читал документ, принесенный ему советником по национальной безопасности Стивенем Хедли, который скромно сидел в соседнем кресле и делал вид, что размышляет о судьбах мировой цивилизации.

На самом деле он незаметно наблюдал за реакцией Буша и был готов в любой момент ответить на вопросы президента, чтобы направить ход его мыслей в нужное русло.

Хедли обладал моментальной реакцией и феноменальным чувством юмора, что особенно ценил Буш в своих ближайших сотрудниках. Саркастическое отношение к действительности, переходящее в издевательский цинизм, скрывалось за добропорядочной вывеской. Хедли был похож одновременно на интеллектуала из университетской среды и кадрового военного – профессорские очки в роговой оправе, но консервативная «казарменная» стрижка с пробором. Глубокие морщины от носа к углам губ, подчеркивающие непреклонность воли и решительность. И совершенно нелогичные для его жесткого лица горизонтальные складки на лбу, прирующие человеку с оживленной мимикой. Эту «эклектику» дополнял ярко-красный галстук, выделяющийся на фоне белоснежной рубашки.

Советник президента имел противоречивую репутацию – некоторые считали его редким занудой, а другие восхищались его чувством юмора.

Все зависело от обстоятельств.

Хедли удовлетворенно вздохнул. Пока все шло как задумано. Буш не отрывался от документа.

Вашингтон,
Центральное разведывательное управление

10 июля 2007 года правительство Пакистана провело военную операцию против сторонников террористической организации «Талибан», захвативших Красную мечеть в столице страны Исламабаде.

После нескольких дней напряженных переговоров было принято решение о штурме мечети силами спецназа. Мечеть очищена от боевиков, заложники освобождены.

11 июля во многих городах страны прошли массовые демонстрации, организованные исламскими партиями в знак протеста против действий правительства.

Второй после Усамы бен Ладена человек в «Аль-Кайеде» Айман аль-Саварихи призвал мусульман отомстить президенту Пакистана Первезу Мушаррафу.

Волнения усилились после пятничной молитвы 13 июля. Демонстранты требуют отставки и примерного наказания Первеза Мушаррафа по законам шариата. Одновременно исламские экстремисты провели новую серию террористических актов.

В субботу 14 июля 24 военнослужащих погибли в результате взрыва заминированного автомобиля. В тот же день властями предотвращена попытка организовать теракт в городе Пешаваре, где были найдены противотанковые мины с таймером.

Вследствие нападения боевиков с участием смертника на военный конвой убиты 12 человек и 30 получили ранения.

В воскресенье 15 июля лидеры проталибских организаций, действующих в пакистанской провинции Северный Вазиристан, объявили об окончании перемирия с правительством страны, которое действовало в течение десяти месяцев. Свое решение они объяснили тем, что власти не выполняли условий соглашения и продолжали военные действия против отрядов исламских экстремистов.

По достоверным данным, к разрыву перемирия исламистов подтолкнул штурм Красной мечети. Они полагают, что нынешнее обострение может закончиться свержением власти генерала Мушаррафа.

Военная администрация, по нашей оценке, становится все более изолированной в обществе. Против нее выступают как радикальные силы ислама, так и сторонники демократизации режима.

Особую опасность представляет подрывная деятельность исламистов. В распространенном в стране призыве Аймана аль-Саварихи говорится следующее:

«Грязное и подлое преступление, которое совершили власти Пакистана в Лал-Масджид (Красной мечети), можно смыть только кровью.

Мусульмане Пакистана! Вам не помогут ни политики, ни сфальсифицированные выборы, ни лизоблюдство, ни торг с этими преступниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.